

А. Г. ИСАЧЕНКО

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Допущено

*Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по направлению 510800
«География» и специальности 012500 «География»*

УДК 91(075.8)
ББК 26.8я73
И85

Рецензенты:

д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой РГПУ им. А. И. Герцена,
чл.-кор. РАО, вице-президент РГО *Ю. Н. Гладкий*;
д-р геогр. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова *В. А. Николаев*

Исаченко А. Г.

И85 Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов / Анатолий Григорьевич Исаченко. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 400 с.

ISBN 5-7695-1693-3

В учебнике дано представление об эволюции взглядов на сущность географии и о ее современной структуре, рассмотрены основные принципы и подходы методологии географии, система исследовательских методов, закономерности территориальной дифференциации, а также теория геосистем и географические аспекты взаимодействия природы и общества. Заключительная глава книги посвящена роли географической теории в решении глобальных проблем человечества.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «География».

УДК 91(075.8)
ББК 26.8я73

ISBN 5-7695-1693-3

© Исаченко А. Г., 2004
© Издательский центр «Академия», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

География — древнейшая наука с богатым опытом исследований и теоретических обобщений — до сих пор, как это ни парадоксально, не имеет общего теоретико-методологического руководства для будущих специалистов-географов. Известно немало вузовских учебников и научных монографий по теории и методике исследований в отдельных отраслях географии — геоморфологии, гидрологии, ландшафтоведению и т. д. Учебник по теории и методологии географической науки издается впервые. Причины отставания географии в этом отношении от других наук достаточно сложны и носят объективный характер. Специфика географии состоит в ее положении на стыке естественных и общественных наук. Каждой из этих двух групп наук присущ особый характер изучаемых закономерностей и подходов к их исследованию. В географии сложились две научные ветви — естественная и общественная, между которыми в течение ряда десятилетий существовали крайне слабые контакты. К тому же у каждой из них имеются свои ответвления второго порядка — специализированные отраслевые дисциплины, число которых продолжает множиться (особенно в общественно-географической сфере).

Процесс дальнейшей дифференциации несет в себе угрозу распада географии, и это обстоятельство уже давно беспокоит географов. Предлагалось немало рецептов для сохранения и укрепления единства географической науки, но они оказались неэффективными. Единство географии не может быть достигнуто, если не будет создан общий методологический и теоретический фундамент для всей системы географических дисциплин. Однако в существующих взглядах на общую теорию и методологию географии мы встречаем много дискуссионных и подчас противоречивых точек зрения. К этому следует добавить, что в конце прошлого столетия отечественная география вступила в полосу методологического кризиса, связанного с глубокими социально-экономическими и идеологическими переменами в стране. Некоторые географы стали пренебрежительно относиться к предшествующему опыту отечественной науки, к необходимости поддерживать преемственность идей и в поисках новых ориентиров обратились к модным зарубежным географическим и негеографическим концепциям, к нетрадиционной тематике и методике. Новейшая географическая литература изобилует «новаторскими» идеями, требующими весьма критического отношения к себе.

Разумеется, в учебнике нет возможности охватить весь современный поток новаторских и псевдонаторских идей, претендующих на то, чтобы произвести переворот в науке. Вместе с тем руководство по методологии и теории науки не должно быть составлено в духе догматического изложения давно установленных истин. География — очень динамичная наука, она развивается, не отвергая ранее проверенных жизнью теорий и оправдавших себя методологических принципов, но непрерывно обогащаясь новыми подходами, идеями, теориями. Жизнь ставит перед ней все новые задачи, особенно в сфере изучения взаимодействия общества и природы. Именно в этой сфере следует, по-видимому, искать точку роста данной науки и перспективы ее интеграции.

Современная география представляет собой чрезвычайно сложную разветвленную систему наук, каждая из которых изучает свои закономерности и разрабатывает свои теории. Общегоеографическую теорию и методологию нельзя построить путем механического сложения всего теоретико-методологического «багажа» отдельных географических дисциплин — климатологии и географии населения, ландшафтоведения и географии внешней торговли и т. д. Автор видит свою задачу в том, чтобы попытаться сформулировать те принципы и понятия, которые могут быть общезначимыми для всей системы географических наук, насколько это возможно при ее современном состоянии. Элементы общегеографического синтеза в большей или меньшей степени содержатся в различных отраслевых дисциплинах, поскольку они не изолированы друг от друга, во всяком случае в рамках каждой из двух главных ветвей географии. Особенно существенный интеграционный потенциал накоплен в комплексных отраслях физической и отчасти социально-экономической географии. Достаточно сказать, что такие изначально физико-географические понятия, как географическая оболочка, ландшафт, геосистема, прочно вошли в общегеографический обиход. Можно было бы назвать ряд других обнадеживающих примеров.

В данном учебнике изложению методологических основ географии предшествуют краткий обзор эволюции взглядов на сущность географии и очерк ее современной структуры. В методологическом разделе анализируются мировоззренческие корни научной методологии, рассматриваются основные методологические принципы и подходы современной географии, система исследовательских методов, применяемых в географии для сбора и обработки первичной научной информации, выявления эмпирических зависимостей и построения теорий. В теоретической части книги можно выделить два круга проблем. Один из них охватывает закономерности территориальной дифференциации и интеграции и теории географических систем, другой — географические аспекты теории взаимодействия природы и общества. Заключительная гла-

ва книги посвящена роли географической теории в решении современных глобальных проблем человечества.

Как уже отмечалось, по многим принципиальным вопросам географии не существует единой точки зрения и нередко приходится излагать мнения разных ученых. Однако автор не считал себя вправе уклоняться от дискуссий и изложения собственного мнения. Учебник не должен превращаться в простой набор разных идей или взглядов, поэтому автор стремился свести весь доступный материал в логически последовательную непротиворечивую систему, которая неизбежно отражает его собственную позицию по всем рассмотренным проблемам.

ГЕОГРАФИЯ КАК СИСТЕМА НАУК И ОБЪЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Эволюция взглядов на предмет, содержание и задачи географии с древнейших времен до конца XIX в.

Истоки географии, как и многих других современных наук, восходят к античной (древнегреческой) науке и натурфилософии. Точно установить, когда в литературе впервые появился термин *география*, не представляется возможным. Первый дошедший до нас (в отрывках) труд под этим названием относится к III в. до н.э. и принадлежит александрийскому ученому Эратосфену из Кирены (ок. 276—194 до н.э.). Однако еще в эпоху Архаической Греции (VIII—VI вв. до н.э.) для обслуживания нужд торговли и мореплавания создавались описания земель (периегезы) и берегов (периплы) — своего рода путеводители и лоции, которые можно рассматривать как начальную форму географических описаний, хотя авторы их именовались не географами, а логографами. На рубеже VI—V вв. до н.э. старые периплы и периегезы обобщил Гекатей из Милета (ок. 546—480 до н.э.). Он составил описание (до нас дошли лишь его отрывки) всех известных в то время грекам стран, которое вполне отвечает буквальному смыслу слова «география» — землеописание — и может считаться началом описательно-страноведческого направления в географии.

В эту же эпоху в Милете (греческая колония в Малой Азии) возникла первая натурфилософская школа, известная под названием ионийской, или милетской, во главе с Фалесом (625—547 до н.э.). Ионийские философы пытались дать объяснение явлениям окружающего мира, например разливам Нила. Эти объяснения еще не могли опираться на эмпирические исследования и имели чисто умозрительный характер, а потому часто были наивными и фантастическими. Тем не менее с известной условностью можно говорить о зарождении в рамках нерасчлененной ионийской натурфилософии элементов того направления в географии, которое много позже стало именоваться общеземлеведческим, или естественно-географическим.

Наконец, необходимо сказать о первых картах, появление которых, по-видимому, относится также к указанному периоду. Карты эти были крайне примитивными, но от них ведет свое начало третье направление античной географии — картографическое, которое в последующем на некоторых этапах развития географии выдвигалось на передний план.

Виднейшим представителем описательно-страноведческого направления был Геродот из Галикарнаса (между 490 и 480—425 до н. э.), включивший описание Ойкумены в большой труд по истории и тем самым используя его для изучения этой науки. Геродот стремился излагать только достоверные факты и не был склонен к натурфилософским рассуждениям.

Величайший ученый древней Греции Аристотель из Стагиры (384—322 до н. э.) в отличие от Геродота был натурфилософом, и его интересовала сущность вещей. Он привел первые доказательства шарообразности Земли и пытался дать объяснение многообразным природным явлениям, которые мы сейчас относим к физико-географическим. Его труд «Метеорологика» представляет собой обобщение всего, что было известно в античной науке IV в. до н. э. о взаимопроникновении земных оболочек, круговороте воды, деятельности рек, изменениях земной поверхности, морских течениях, климатических поясах, или зонах, Земли и т. д. Этот труд вправе считается началом общего землеведения, или общей физической географии.

Таким образом, в IV в. до н. э., в эпоху Классической Греции, достаточно четко оформились два обособленных направления географической науки, наметившиеся еще у ионийцев. Первый опыт объединения обоих направлений с добавлением третьего, картографического, под общим названием «География» принадлежит уже упомянутому Эратосфену, жившему в эллинический период. Особо надо отметить его заслуги перед картографией: он впервые достаточно точно определил размеры окружности земного шара по меридиану, ввел параллели и меридианы, дал толчок к разработке картографических проекций. В сущности, Эратосфен положил начало географии как самостоятельной науки.

Считается, что античная география нашла свое завершение в работах Страбона из Амасии (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) и александрийского астронома и географа Клавдия Птолемея (90—160). Труды этих ученых выражают два разных взгляда на предмет, содержание и задачи географии. «География» Страбона в 17 книгах, полностью дошедшая до нас, написана в духе сложившейся к тому времени описательно-страноведческой традиции. Основное ее содержание составляют номенклатурные данные и сведения по населению, государственному строю, истории и разным достопримечательностям. Данные о природе отрывочны и скудны. Метод Страбона чисто описательный. Объяснение природных явлений

он не относил к географии и предоставлял это занятие философам. Страбонова география несет на себе яркий отпечаток социального заказа, о чем ясно свидетельствует сам автор. Он указывает, что книга предназначена для людей, занимающих высокое положение. Исходя из этого Страбон, в частности, считал, что географу не следует заниматься областями, лежащими за пределами известного обитаемого мира, поскольку они не представляют интереса для правительственных нужд.

«Руководство по географии» Клавдия Птолемея имеет совершенно иной характер. По определению этого ученого, география есть линейное изображение всей ныне известной нам части Земли со всем тем, что на ней находится. Описание Земли в духе Страбона Птолемей называл не географией, а хорографией (от греч. *хора* — пространный, страна). Между географией Птолемея и хорографией существует по меньшей мере два принципиальных отличия. Во-первых, география, по словам Птолемея, дает возможность обозреть всю Землю в одной картине, в самых крупных ее чертах, тогда как хорография описывает отдельные местности во всех деталях. Во-вторых, география основывается на применении математических методов, в то время как метод хорографии чисто описательный. Главные задачи географии Птолемей видел в определении географических координат пунктов, измерении расстояний, разработке картографических проекций и составлении карты земного шара. Его «Руководство по географии» в основном состоит из перечня известных пунктов, частично с указанием широты и долготы. Птолемей заложил основы особого направления в науке, которое вплоть до XIX в. именовалось математической географией, а по существу получило свое законченное выражение в геодезии и картографии.

Сущность природных явлений на Земле Птолемея, как и Страбона, не интересовала. После Аристотеля их познание практически не продвинулось вперед. В этом отразился кризис античной натурфилософии, а вместе с ней и зарождавшегося общеземледельческого направления в географии.

Социально-экономические условия эпохи феодального Средневековья не создавали предпосылок для дальнейшего прогресса географии, для нее это был период глубокого упадка. Возрождение географии начинается в эпоху *Великих географических открытий* (конец XV — начало XVII в.), когда произошло необычайное расширение пространственного кругозора европейцев. К началу этой эпохи, в XV в., в Италии уже были переведены и широко известны труды некоторых античных географов, из которых на последующее развитие географии наибольшее влияние оказал Клавдий Птолемей. Великие географические открытия дали наиболее непосредственный толчок развитию картографии. Создавались карты мира, на которых отражались быстро менявшиеся пред-

ставления о лике Земли. В первой половине XVI в. появляются подробные карты отдельных стран. Ко второй половине XVI в. относится начало систематических топографических съемок. Разрабатывались новые картографические проекции, в том числе знаменитая проекция Меркатора (1569). С конца XVI в. в Нидерландах начинается массовое издание капитальных атласов мира. Карты приобрели широкую популярность и имели большой спрос со стороны торговой буржуазии. География в общественном сознании все больше ассоциировалась с картографией. В XVII в. географами обычно считали тех, кто занимался составлением или комментированием карт. И даже в начале XVIII в. французский ученый Ж. Н. Делиль, работавший в Петербургской академии наук, писал, что географом обычно называют всякое лицо, опубликовавшее карту от своего имени.

Страноведческие описания рассматриваемого периода появлялись под названием «космография». Авторы их, как правило, следовали старым традициям, в сочинениях подобного рода преобладал номенклатурный материал и содержалось немало ошибок и небылиц. Наибольший интерес представляют описания отдельных стран. Среди них выделяется «Описание Нидерландов» (1567), принадлежащее Л. Гвиччардини, которое можно рассматривать как первое сочинение по региональной экономической географии.

С эпохой Великих географических открытий совпадает переворот в истории естествознания, растет стремление к изучению природы, появляются зачатки экспериментальной науки. Однако развитие физико-географических представлений отставало от стремительного расширения пространственного кругозора. Возрождению естественно-географического направления и появлению новых общеземледельческих обобщений должно было предшествовать длительное и интенсивное накопление разнообразных географических фактов; этот процесс стал переходить на более высокую ступень в первой половине XVII в. с началом инструментальных наблюдений.

В 1650 г. в Нидерландах вышел в свет труд молодого ученого Б. Варениуса (1622—1650) «*Geographia generalis*» (в первом русском переводе 1718 г. «География генеральная», а в повторном издании 1790 г. «Всеобщая география»), оставивший глубокий след в географической науке Нового времени. Это был первый после античной древности опыт широкого общеземледельческого обобщения и осмысления предмета и содержания географии на основе новейших данных о Земле, собранных в эпоху Великих географических открытий. Предметом географии, по Варениусу, служит «земноводный шар», рассматриваемый как в целом, так и по частям. Отсюда он делит географию на всеобщую и частную, или особенную. Этот ученый трактовал географию как науку естественную. По его представлению, всеобщая география должна объяс-

нять природные свойства Земли как целого, частная же дает подробное описание отдельных пространств (хорография) и небольших участков (топография). При этом он полагал, что «человеческие свойства» непосредственно к географии не относятся и включаются в хорографические и топографические описания по традиции, для придания им увлекательности. К сожалению, Варениус не успел завершить свой замысел и оставил нам только первую, общеземледведческую, часть задуманного труда.

Начало Нового времени — с середины XVII до начала XIX в. — явилось для географии периодом интенсивного накопления научных фактов и перехода к обобщениям на качественно новом уровне. В этот период, особенно во второй половине XVIII в., в практику входит снаряжение экспедиций с научными целями. Записки и отчеты натуралистов — участников таких экспедиций — становятся ценнейшими источниками географической информации и в ряде случаев основой для создания комплексных географических характеристик изученных территорий. Один из лучших примеров — «Описание Земли Камчатки» (1756) С. П. Крашенинникова. В течение данного периода большие успехи делает картография. Совершенствуется математическая основа карт, повышается их точность, обогащается содержание, появляются специальные (тематические) карты, в том числе геологические.

Однако XVIII в. не дал новых идей в области географической теории. Сочинения общеземледведческого типа были немногочисленны, и ни одно из них по научному уровню не поднялось выше «Всеобщей географии» Варениуса, которая долгое время оставалась образцом. Отдельные естествоиспытатели — М. В. Ломоносов, П. С. Паллас, Г. Форстер — пытались своими исследованиями охватить природу как целое, но не оставили обобщающих трудов. Широкое распространение получили разного рода «всеобщие землеописания», «космографии» и сочинения по так называемой камеральной статистике или государствоведению. Авторами их, как и учебников по географии, были не натуралисты, а компиляторы, и подобные сочинения сохраняли номенклатурно-описательный стиль прежних космографий.

О предмете и содержании географии не было четкого представления. В «Руководстве к географии», изданном в Петербурге в 1743 г. (по-видимому, на основе немецких источников), география определялась как «знание о империях, королевствах, княжествах, графствах, провинциях, городах, морях, озерах, реках, горах и других примечания достойных местах всего земного круга». Подобные определения были достаточно типичны, подчеркивая справочно-описательную функцию географии. Некоторые авторы рассматривали географию как дисциплину вспомогательную для истории, и нередко страноведческие описания помещались в качестве введения к сочинениям по истории. Это способствовало ут-

верждению в научном и общественном сознании взгляда на географию как на «служанку» истории.

Прогрессивно мыслящие ученые, и среди них первый русский географ В. Н. Татищев (1686 — 1750), в понимании географии следовали Б. Варениусу. Признавая деление географии на общую и частную, Татищев различал в ней три направления «по качеству»: физическое, математическое и политическое. В трудах М. В. Ломоносова впервые встречается термин «экономическая география». Сфера физической географии оставалась неопределенной. Практически она ограничивалась лишь явлениями неживой природы, и при этом стала намечаться ее дифференциация на отдельные отрасли; в конце XVIII в. от нее начинает отделяться геология, появляются первые работы в области географии растений и животных.

Фактически в рамках географии стали уживаться самые разные и мало связанные между собой отрасли — от географии физической и математической до географии моральной и церковной. Выдающийся немецкий философ И. Кант (1724 — 1804) пытался найти для такого разнородного конгломерата знаний методологическую основу, которая впоследствии стала известной как *хорологическая концепция*. Согласно Канту, наши знания могут быть систематизированы либо по понятиям (т. е. приведены в систему по какому-либо сходству), либо по времени, либо по пространству. Описание во времени дает история, рассматривающая события, происходящие одно за другим; география же касается явлений, которые происходят в пространстве в одно и то же время. География, говорит Кант, дает идею целого в отношении к пространству. У географии в таком понимании нет своего предмета исследования. Она, по И. Канту, может заниматься разными предметами и в зависимости от этого делится на физическую, математическую, политическую, моральную, теологическую, литературную, меркантильную «географии».

Первая половина XIX в. — непродолжительный, но важный этап в истории географии. К этому времени относятся труды классиков немецкой географии А. Гумбольдта (1769 — 1859) и К. Риттера (1779 — 1859). Великий ученый-естествоиспытатель, исследователь Южной Америки А. Гумбольдт изложил свои взгляды на географию в пятитомном труде «Космос» (1845 — 1862). Он считал географию естественной наукой, называя ее физическим землеписанием, и ставил ее целью «познание единства во множестве, исследование общих законов и внутренней связи теллурических явлений»¹. Центральной задачей познания причинных связей в земных явлениях Гумбольдт считал изучение зависимости органической жизни от неживой природы. Изучая связи между расти-

¹ Гумбольдт А. Космос. — М., 1866. — Т. I. — С. 54.

тельным покровом и климатом, ученый установил важнейшие географические закономерности — широтную зональность и высотную поясность. Человека он относил к географии лишь постольку, поскольку он зависит от «земных сил» и, в свою очередь, оказывает на них обратное влияние. А. Гумбольдт подчеркивал, что природа отдельных территорий должна рассматриваться в ее отношении к целому, т.е. к земному шару и даже ко всей Вселенной. Он указывал также на необходимость исторического подхода к познанию настоящего.

Современник А. Гумбольдта К. Риттер был исследователем иного склада и преимущественно кабинетным ученым. От Канта он воспринял хронологический взгляд на географию. По Риттеру, география должна создавать предпосылки для изучения истории и изучать Землю не с естественно-научных позиций как природное тело, а как жилище рода человеческого, предназначенное свыше для его духовного совершенствования. В геометрических формах материков ученый видел скрытый замысел творца и стремился раскрыть его значение для судеб рода человеческого. К. Риттер пришел к заключению, что именно Европе в силу якобы особого совершенства форм было предназначено стать воспитательным домом всего человечества. В своих страноведческих трудах природу он описывал весьма поверхностно, лишь в ее внешних чертах; климату и органическому миру уделял мало внимания, причинные связи природных явлений его мало интересовали.

Взгляды К. Риттера подверглись критике еще при жизни ученого. Впоследствии многие видные географы указывали на телеологический характер его идей, заводящих географию в тупик и делающих ее «служанкой» истории, а также на их противоречивость. Риттер развивал хронологический и антропоцентрический взгляд на географию, ведущий начало от Страбона, поэтому немецкий географ Г. Герланд называл подобные представления «страбонизмом». Идеи Риттера поначалу нашли многих приверженцев, которые, однако, не смогли создать чего-либо нового. Они лишь подражали К. Риттеру в своих страноведческих описаниях, тем самым усугубляя кризис страноведения.

Идеи А. Гумбольдта оказались близкими многим путешественникам-натуралистам, но не сразу были оценены географами-теоретиками. Еще долго после Гумбольдта физическая география не могла оформиться в целостное учение о природе земной поверхности. Этот процесс существенно тормозило бурное формирование отраслевых физико-географических дисциплин; некоторые из них в первой половине XIX в. получили серьезную опору благодаря появлению специализированных государственных служб — геологических, метеорологических. В ряде работ этого периода мы находим элементы региональной экономической географии. Среди них выделяются труды К. И. Арсеньева — автора первого эко-

номического районирования России. Но экономическая география как наука находилась тогда в начальной стадии своего формирования (под названием «статистика»). Таким образом, в середине XIX в. ни одна из основных отраслей географии не достигла своей зрелости, причем каждая развивалась самостоятельно, вне связи с другими. Это дало основание руководителю Русского географического общества П. П. Семенову-Тян-Шанскому (1827—1914) утверждать в 1856 г., что география в ее тогдашнем состоянии — это, в сущности, группа самостоятельных дисциплин — математической географии, физической географии и статистики.

1.2. Переломный этап в развитии географии на рубеже XIX и XX в. и начало современной географии

К концу XIX в. география вступает в один из критических и переломных этапов своего развития. В это время в ней более четко оформляются различные научные направления, формируются национальные школы, формулируются методологические принципы, определившие основные тенденции ее развития в разных странах на последующие десятилетия. В последней трети XIX в. положение географии оказалось весьма противоречивым. С одной стороны, объективная необходимость в этой науке становилась все более очевидной, общественный интерес к ней возрастал, что, в частности, нашло свое выражение в начавшемся движении за создание географических кафедр в европейских и российских университетах. С другой стороны, обостряются расхождения между сторонниками различных географических направлений и борьба между ними происходит на фоне усугубляющейся дифференциации науки и обособления различных отраслевых географических дисциплин. У географов стал исчезать собственный объект исследования. Беспокойство за судьбу своей науки должно было рано или поздно побудить географов к поискам выхода из кризиса, а именно к созданию методологических основ своей науки. В 70—80-е гг. XIX в. их интерес к методологическим вопросам заметно усилился и дискуссия приобрела массовый характер. Географическая литература этого времени (в особенности немецкая) изобилует самыми противоречивыми высказываниями о предмете, содержании географии и ее месте среди наук. Камень преткновения состоял в дуализме географии, т. е. в существовании двух не связанных между собой географий — естественно-научной общеземледельческой и преимущественно гуманитарной страноведческой. Главная проблема сводилась, таким образом, к преодолению их несовместимости.

В начале рассматриваемого периода многие немецкие географы решительно отстаивали взгляд на географию как на науку есте-

ственную. В русской географии конца XIX в. этот взгляд преобладал, его придерживались, в частности, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. В. Докучаев и другие ученые, хотя они вовсе не исключали из географии человека. Однако в немецкой географии уже в 80-е гг. центр тяжести начинает переноситься на человека. В этом повороте большую роль сыграли идеи Ф. Ратцеля (1844—1904), автора «Антропогеографии» и «Политической географии», в которых он пытался оживить и развить идеи К. Риттера. Характерно полное название первой из этих книг: «Антропогеография, или принципы приложения земледения к истории». Ратцель стремился перенести дарвинизм в сферу общественных отношений и рассматривал антропогеографию как продолжение биогеографии. Идеи ученого нашли немало сторонников, в том числе за пределами Германии. Некоторые из них развивали идеи своего учителя в духе вульгарного географизма в социологии и политике.

Еще в 70-е гг. XIX в. некоторые немецкие географы искали обоснование целостности и самостоятельности географии не в предмете исследования, а в методе, т. е. в особом подходе к изучаемым объектам, а именно в пространственном или хорологическом. Эту концепцию, восходящую к И. Канту, с конца XIX в. на протяжении многих лет развивал и пропагандировал А. Геттнер (1859—1941). Его идеи наиболее полно изложены в монографии «География, ее история, сущность и методы» (1927 г., русский перевод — 1930 г.). В этой большой работе содержится немало ценных мыслей, но они часто находятся в противоречии с основными идеями автора, с его хорологической концепцией. Ученый доказывал, что у географии нет своего предмета исследования, но у нее есть свой взгляд на окружающий мир: ее интересуют только пространственные отношения различных предметов и явлений в рамках конкретных территорий; географ должен заниматься лишь отдельными (индивидуальными) странами или местностями, каждая из которых уникальна и неповторима. По Геттнеру, география — наука идиографическая; это значит, что ее не должны интересовать законы и родовые понятия, ее целью является лишь познание отдельных действительных фактов. В полном соответствии с этими представлениями Геттнер отвергал возможность общего земледения. Он считал также, что география не должна заниматься изучением явлений во времени, и необходимость обращаться к их происхождению рассматривал как неизбежное зло. В конечном счете, истинной географией ученый провозглашал страноведение. Как видим, в этом нет принципиальной новизны, здесь мы снова сталкиваемся со страбонизмом. У Геттнера появилось немало сторонников в разных странах, в том числе среди советских географов 20—30-х гг. XX в. Благоприятную почву его идеи нашли в США, где их особенно настойчиво пропагандировал Р. Хартшорн в 30—50-х гг. прошлого века.

Хотя А. Геттнер на словах выступал против антропоцентрической ориентации в географии, его концепция не противоречила идеям Ф. Ратцеля и его последователей, и в работах некоторых географов XX в. обе концепции образуют своеобразный сплав, который можно назвать хорологическим антропоцентризмом.

Идея выяснения «географического контроля» над историей человечества овладела умами некоторых американских географов. В работах ученицы Ф. Ратцеля Э. Сэмпл, а позднее в работах Э. Хантингтона она получила свое крайнее вульгарно-географическое выражение, известное под названием инвайронментализма (от англ. *environment* — среда, окружение). Идея «географического контроля» была взята на вооружение некоторыми геополитиками и интерпретировалась ими в милитаристском духе.

Во Франции в начале XX в. возникла национальная географическая школа, основателем которой был П. Видаль де ла Блаш (1845 — 1918). Свою главную задачу географы этой школы видели в изучении местных соотношений между природной средой и населением, в которых они стремились найти гармоническое единство. Человек с его образом жизни постепенно стал занимать все больше места в региональных исследованиях французской географической школы, и уже во втором десятилетии XX в. эта школа приобретает односторонне-гуманитарное направление, известное под названием «география человека».

При всех различиях и оттенках взглядов разных школ и направлений зарубежной географии начала и последующих десятилетий XX в. мы находим в них много общего. Основные тенденции движения географической мысли этого периода в Западной Европе и Америке сводились к стремлению ограничить рамки географии изучением местных (региональных и локальных) особенностей земного пространства с все большим усилением акцента на социальные явления. Эти тенденции наиболее ярко проявились в американской географии, превратившейся к середине столетия в односторонне социологизированную хорологическую дисциплину, из которой практически выпала физическая география.

Несмотря на то что в начале XX в. в зарубежной географии уже достаточно четко определилось несколько школ со своими пусть и односторонними представлениями о сущности и научных задачах географии, для большинства географов, по-видимому, ясности в этом вопросе не существовало. Многие из них ушли недалеко от того представления о географии, которое еще в 1890 г. русский географ, ученик В. В. Докучаева (1846 — 1903), А. Н. Краснов (1862 — 1914) иронически характеризовал как смесь разнородных сведений от направления ветра в той или иной стране до тех вилок, которыми едят жаркое ее обитатели. В 1905 г. Х. Р. Милл в более деликатных выражениях свидетельствовал, что в Англии многие не признавали за географией права называться самостоя-

тельной наукой и считали ее простой агломерацией разнородных фактов. Десятью годами позже об этом же писал его коллега Дж. Скотт Келти, а в 1911 г. С. Клоуз констатировал разноречивыми взглядами британских географов и отсутствием у них ясного понимания своих задач. Перечень аналогичных высказываний можно было бы продолжить.

По иному пути с начала XX в. пошла география в России. С этого времени основная линия ее развития определялась идеями школы В. В. Докучаева — явления уникального в мировой науке по перечню имен ее выдающихся представителей, идейному богатству, конструктивному духу и тому глубокому влиянию, которое она оказала на географию XX в. Эта школа создавалась не в результате кабинетных рассуждений и дискуссий, а в процессе практических исследований, направленных на решение проблем рационального использования и улучшения природной среды. К самому концу XIX в. В. В. Докучаев сформулировал основополагающие идеи географического синтеза, имея за плечами колоссальный опыт географа-теоретика и практика. Первым и, может быть, главным его вкладом в географический синтез явилось созданное им учение о почве. Как подчеркивали многие его ученики и последователи, это учение было географическим. Докучаев впервые увидел почву глазами географа, он, в сущности, рассматривал ее как компонент ландшафта и продукт взаимодействия остальных его компонентов — материнской породы, рельефа, климата, вод, растительности и животного мира. Исследовательский метод Докучаева был ландшафтно-географическим, хотя сам ученый этого термина не употреблял. Идея географического комплекса присутствует во всех его работах. Он положил начало организации комплексных экспедиций нового типа и впервые применил стационарный метод полевых исследований. Монография В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь» (1892) до сих пор может служить не только образцом всестороннего анализа природной среды конкретной территории, но и, говоря современным языком, примером конструктивного решения проблем оптимизации природной среды.

Весь опыт научной и практической деятельности В. В. Докучаева привел его к убеждению о необходимости «читать и штудировать единую цельную и нераздельную природу, а не отрывочные ее части». С другой стороны, как естествоиспытатель с широким взглядом на окружающий мир и мыслитель-материалист, ученый не мог не обратить внимания на отрицательные стороны далеко зашедшей дифференциации естествознания. В 1898 г. он писал, что наука XIX в., достигнув огромных успехов в изучении отдельных тел и явлений, упустила из виду закономерную генетическую связь, которая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой. Поэтому вполне закономерным итогом его научной деятельности явилась идея о необходи-

мости создания особой науки «о тех многосложных и многообразных соотношениях и взаимодействиях, а равно и о законах, управляющих вековыми изменениями их, которые существуют между так называемыми *живой и мертвой природой*, между: а) поверхностными горными породами, б) пластикой Земли, с) почвами, d) наземными и грунтовыми водами, е) климатом страны, f) растительными и г) животными организмами (в том числе и даже главным образом низшими) и человеком, гордым венцом творения»¹.

Задачу, которая поставлена в этих словах, вполне можно рассматривать как общенаучную и одновременно философскую. Но в той конкретной постановке, в какой мы видим ее у В. В. Докучаева, она оказывается *географической*. Это поняли уже ближайшие последователи великого ученого. Г. Ф. Морозов (1867—1920), К. Д. Глинка (1867—1927), Л. С. Берг (1874—1950) утверждали, что Докучаев создал *новую географию*. «Докучаев не подозревал, — писал Л. С. Берг, — что та новая наука, основные вехи которой он намечал в своих набросках, и есть настоящая география»². Такое утверждение может показаться парадоксальным, если вспомнить, что сам В. В. Докучаев предостерегал от смешения зарождающейся новой науки с «расплывающейся во все стороны географией». Но по этому поводу мы находим ясное разъяснение у Л. С. Берга: «Нужно отдать справедливость Докучаеву: то понимание сущности географии, какое господствовало в его время, именно в конце XIX века, могло создать об этой науке только такое представление, какое дал о ней великий почвовед...»³.

Еще одним доказательством «географичности» новой науки Докучаева является то, что сам он начал ее разработку с *учения о зонах природы*, принадлежность которого к географии вряд ли может вызвать сомнение. Этому учению он успел посвятить в 1898—1900 гг. лишь несколько небольших статей-набросков, в которых сформулировал первый географический закон, а именно *закон мировой зональности* — горизонтальной и вертикальной. Действие этого закона он распространял не только на все природные процессы земной поверхности, но в определенной степени и на человека. Мировая (географическая, ландшафтная) зональность стала одним из фундаментальных понятий современной географии. Нельзя не согласиться со следующей оценкой Л. С. Берга: «Докучаев с полным правом может быть назван основоположником современного направления географии»⁴.

¹ Докучаев В. В. Сочинения. — М.; Л. — 1951. — Т. 6. — С. 416.

² Берг Л. С. В. В. Докучаев как почвовед. — 1939. — Почвоведение. — № 2. — С. 17.

³ Там же.

⁴ Там же.

В трудах ученых докучаевской школы, объединившей как его непосредственных учеников и сотрудников, так и многочисленных последователей, идеи основателя этой школы уже в первые два десятилетия XX в. получили значительное развитие в различных направлениях. В частности, велась дальнейшая разработка зональной концепции и в значительной мере на ее основе — принципов физико-географического районирования, а также научных географических основ лесоводства, сельского хозяйства, агролесомелиорации.

Логическим продолжением идей Докучаева явилось понятие о *географическом ландшафте*, которое в различных формах высказывали Г. Н. Высоцкий (1865—1940), Г. Ф. Морозов и другие исследователи, но введением этого понятия в науку мы обязаны главным образом Л. С. Бергу. Согласно Бергу (1913), ландшафт есть закономерное целостное территориальное сочетание всех природных компонентов на земной поверхности. Ландшафты группируются в зоны. Таким образом, каждая природная (по терминологии Берга — ландшафтная) зона является областью развития однотипных ландшафтов. Этот ученый подчеркивал объективный характер ландшафта и называл его естественным районом, тем самым противопоставляя его искусственным, субъективно выделяемым «странам» А. Геттнера.

Л. С. Берг считал ландшафт основным объектом географического исследования. В некоторых его определениях география, по существу, отождествляется с учением о ландшафтах. В этом несомненно ограниченном представлении сказалась определенная противоречивость взглядов Берга, воспринявшего у А. Геттнера представление о географии как хорологической науке, что предполагало отказ от изучения глобальных общегеографических закономерностей.

Общеземледческий элемент географического синтеза также не выпадал из внимания русских географов рассматриваемого периода. В частности, он занимал важное место в трудах одного из ближайших учеников В. В. Докучаева — А. Н. Краснова. В 1910 г. профессор Петербургского университета П. И. Броунов (1852—1927) высказал мысль, что предметом физической географии является *наружная оболочка Земли*, состоящая из литосферы, гидросферы, атмосферы и биосферы. В этих словах содержится важная идея, впоследствии получившая воплощение в понятии о географической оболочке (см. разд. 3.2).

В течение первой половины XX в. учение о ландшафте оставалось основной формой географического синтеза. Оно создавало платформу для объединения взглядов представителей различных отраслей географии. Лишь в 30-е гг. после того как А. А. Григорьев (1883—1968) ввел понятие о географической оболочке Земли, появился реальный импульс для разработки общего землеведения

как учения об общих физико-географических закономерностях Земли. До конца 40-х гг. ландшафтоведческое и общеземлеведческое направления в советской географии развивались обособленно. Большая заслуга в их сближении принадлежит С. В. Калеснику (1901 — 1977), и во второй половине прошлого столетия уже не оставалось оснований для сомнений в том, что это два неразрывно связанных теоретических раздела комплексной физической географии.

В начале XX в. в России велись также исследования в области экономической географии. Мощный стимул они получили лишь в первые годы советской власти, когда были призваны обеспечивать запросы плановой экономики. Особенно интенсивно развернулись работы по экономическому районированию. В основном благодаря усилиям Н. Н. Баранского (1881 — 1963) доминирующее положение в советской экономической географии заняло региональное (районное) направление, но одновременно формировались отраслевые разделы — география промышленности, сельского хозяйства, транспорта, населения и др.

Таким образом, география в СССР превратилась в разветвленную систему наук, лишенную однобокости, присущей большинству зарубежных национальных школ. Естественно-научная география и общественная география развивались как две равноправные ветви, хотя и не в тесном контакте, так что проблема единства, или целостности, географической науки отнюдь не теряет своей актуальности.

1.3. Сущность географии и ее задачи в представлениях различных научных школ

Выразить сущность географии в форме краткого научного определения — задача крайне сложная уже в силу исключительной многопредметности этой науки и размытости ее границ с другими науками. Географы не выработали единого взгляда на предмет своей науки, и в специальной литературе можно найти множество самых разных определений географии. Необходимо сразу подчеркнуть, что сформулировать некое универсальное определение географии «на все случаи жизни» не только нереально, но и ненужно. Никакая наука не может застыть на одном месте, ее развитие заставляет постоянно пересматривать ранее предложенные, даже самые удачные определения. Кроме того, различные научные определения вовсе не обязательно исключают друг друга и нередко оказываются взаимодополняющими, так как разные авторы в своих определениях могут сделать акценты на те или иные важные особенности интересующей нас науки. Следует помнить, что никакое краткое научное определение не может достаточно

полно раскрыть сущность такой сложной отрасли знания, как география. Задача сводится к нахождению того главного, что отличает ее от всех других наук, и здесь возможны разные подходы.

Многие науки легче всего определить через объект изучения, когда самое краткое описание науки содержится уже в ее названии, например: почвоведение, климатология. В подобных случаях расшифровка науки через объект («почвоведение — наука о почве») превращается в тавтологию. В свое время буквальное значение слова география могло дать простейшее, но достаточно адекватное понятие об этой науке любому человеку в той степени, в какой он представлял себе, что такое Земля. И в наше время подобные определения «работают», когда речь идет о науках, имеющих дело с дискретными объектами, т.е. с телами и явлениями, которые неискушенный человек может хотя бы приблизительно или интуитивно выделить среди других тел и явлений окружающего мира. Однако даже в таких простых случаях для более глубокого понимания сущности научной дисциплины, например того же почвоведения, необходимо предварительно дать научное определение объекта исследования. Что касается в целом географии, представляющей собой сложную систему различных научных дисциплин, для нее такой подход малоперспективен. Среди возможных самых кратких определений географии допустимо и такое: «география — наука о геосистемах». В этом определении дается прямое указание на объект, но этим, хотя и главным объектом, не исчерпывается содержание географии, а кроме того, его сущность далеко не самоочевидна с точки зрения не только «человека с улицы», но и многих профессионалов-географов. Поэтому определение географии в ее нынешнем состоянии приходится формулировать не через объект исследования, а через ее предметное поле, т.е. ее многоотраслевую структуру, или содержание. Определение по такому принципу неизбежно оказывается громоздким, к тому же имеет суммативный характер, не дает представления о географии как целостной науке и о том, что объединяет ее разнообразные отрасли.

Из истории географии известны такие примеры ее определения, когда сущность этой науки формулировалась в ее целях или задачах. Лучшие определения принадлежат А. Гумбольдту и В. В. Докучаеву. Эти определения, особенно докучаевское, не потеряли своего значения и актуальности, ибо в них сформулированы фундаментальные научные цели географической науки на много лет вперед. Определение В. В. Докучаева требует лишь известной конкретизации и обновления с учетом современного состояния нашей науки.

Оценивая современные определения географии, важно исходить из следующего критерия: насколько удачно в них характеристика нынешнего состояния науки сочетается с постановкой ее

долговременных фундаментальных задач. Сравнивая современные научные определения географии, мы сталкиваемся с большими или меньшими расхождениями во взглядах даже между географами одной страны или национальной школы, но самые значительные различия существуют между представлениями отечественных географов и их западных коллег, особенно американских. Для суждения о взглядах географов советской школы и определенной динамике этих взглядов за последние десятилетия целесообразно обратиться к общенаучным и специализированным (географическим) энциклопедическим пособиям, рассчитанным на широкого читателя и издаваемым большими тиражами. Определения в энциклопедических справочниках и словарях, как правило, предварительно обсуждались в научных кругах и только после того шли в печать. Поэтому можно считать, что они отражают преобладающие взгляды даже в тех случаях, когда под ними стоит подпись одного или нескольких авторов. Приведем основные из них в хронологическом порядке:

— география — комплекс тесно связанных наук, охватывающих физическую и экономическую географию (А.А. Григорьев. Краткая географическая энциклопедия. — М., 1960. — Т. 1. — С. 123);

— география — система тесно связанных естественных и общественных наук, охватывающих физическую и экономическую географию (Энциклопедический словарь географических терминов. — М., 1968. — С. 78);

— география — система естественных и общественных наук, изучающих природные и производственные территориальные комплексы и их компоненты (С. В. Калесник, А. Г. Исаченко, В. В. Покшишевский. Большая Советская Энциклопедия. — М., 1971. — Т. 6. — С. 270);

— география — система естественных и общественных — физико-географических и экономико-географических наук, изучающих географическую оболочку Земли, природные и производственные территориальные комплексы и их компоненты (Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. — С. 293).

В данных определениях, охватывающих 20-летний период, общим является то, что все они характеризуют географию как *систему* (у А.А. Григорьева — комплекс) *наук*, состоящую из двух блоков — естественного и общественного. Авторы первых двух определений ограничились суммативно-структурным подходом, тогда как в двух последних мы видим и объектный подход — перечень (в самой общей форме) объектов географического исследования.

Однако в конце 80-х гг. XX в. наметилась новая тенденция в поисках наилучшего определения географии. Некоторые географы, в основном представляющие Институт географии Академии наук, пришли к заключению, что единым объектом географиче-

ских наук следует считать географическую оболочку. Так, В. С. Преображенский пишет: «Общим и предельным объектом исследования географических наук выступает географическая оболочка»¹. Ту же мысль проводят А. А. Величко (хотя пользуется термином ландшафтная оболочка) и В. М. Котляков². Эта точка зрения нашла отражение в последнем из опубликованных энциклопедических словарей, где находим следующее определение: «География — наука, изучающая поверхность Земли, облегающие и подстилающие ее слои вещества, которые в совокупности составляют *географическую оболочку* (геосферу, эпигеосферу, геоверсум)...»³.

До сих пор считалось, что географическая оболочка — объект физической географии, а не всей системы географических наук, включающей и социально-экономические отрасли. И для этого имелись серьезные основания, поскольку географическая оболочка — природное тело, часть планеты Земля, функционирующая по природным законам. На это указывают и авторы приведенных определений. В. С. Преображенский четко называет компоненты географической оболочки, это литосфера, атмосфера, гидросфера, педосфера, биота, и среди них нет человека. Еще категоричнее высказывается А. А. Величко: хотя человек признается им важнейшим фактором, воздействующим на эволюцию географической оболочки, он не считает его компонентом последней и подчеркивает, что «состав компонентов остался прежним, поскольку человечество воздействует на ландшафтную оболочку через уже существующую систему природных компонентов»; далее справедливо замечено, что природные и антропогенные факторы «подчиняются принципиально различным закономерностям»⁴. Из этих рассуждений следует, что человека надо рассматривать как внешний фактор по отношению к географической оболочке, а последняя служит для него средой обитания. То обстоятельство, что человек физически находится внутри географической оболочки, не меняет дела, ибо в понятийном смысле это две разные системы, взаимодействующие между собой. Авторы приведенных определений почему-то относят к географии только одну сторону этого взаимодействия, а именно воздействие человека на его природную среду, т. е. на географическую оболочку. Как известно, это воздействие изучается физико-географическими науками. Однако нигде не упоминается о влиянии среды на человека. За бортом определения, а следовательно и географической науки, остается

¹ *Наука и искусство географии: спектр взглядов ученых СССР и США.* — М., 1989. — С. 16.

² Там же. — С. 17—18.

³ *Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины.* — М., 1988. — С. 56.

⁴ *Наука и искусство географии: Спектр взглядов ученых СССР и США.* — М., 1989. — С. 18.

обширная сфера социально-экономических явлений, которая традиционно относилась к географии.

В определении из «Географического энциклопедического словаря» даже не упомянуто о населении и хозяйстве, без которых нет современной географии. Правда, из дальнейших разъяснений мы узнаем, что география занимается и населением, и хозяйством, и даже то, что «процессы взаимодействия человека и природы становятся важнейшим предметом географического изучения»¹. Последнее замечание чрезвычайно важно, но находится в явном противоречии с предшествующим ему определением географии, которое логически может создать у читателя представление о ней как чисто естественной, т. е. физико-географической, науке. Таким образом, можно заключить, что научные определения географии 70-х гг. XX в. вернее отражали ее фактическое содержание, чем некоторые более поздние.

Рассмотрим теперь, как определяют географию американские географы. Наиболее полное представление об этом дают ответы географов США на вопросы о сущности географии, опубликованные в 1989 г. вместе с ответами советских географов, которые уже частично цитировались выше. При разных взглядах все же просматриваются достаточно ясные тенденции, связанные со старыми традициями американской географии.

Во-первых, специфика географии многими усматривается не в объекте изучения, а в подходе, притом подходе пространственном, или хорологическом. Об этом отчетливо заявляют представители разных университетов и колледжей США. К. Виллмотт считает, что география изучает размещение природных и социальных явлений; расстояние для географии то же, что время для истории; география сосредоточивается или должна сосредоточиться на явлениях и процессах, самым фундаментальным образом зависящих от местоположения, расстояния и пространства². Еще проще выразился Э. де Суза: «География занимается изучением размещения»³. Аналогичные соображения находим у Д. Демко, С. Брунна, Б. Тернера, С. Коэна, Р. Моррилла.

Во-вторых, высказывания географов США свидетельствуют о преобладании антропоцентрической ориентации в американской географии. В центре внимания — пространственный аспект расселения и человеческой деятельности. В. Тоблер, в сущности, сводит географию к изучению размещения населения. Правда, не все географы США столь категоричны. Дж. Матер, А. Пред и некоторые другие высказывают более широкий взгляд на географию,

¹ *Географический энциклопедический словарь*. — М., 1988. — С. 56.

² *Наука и искусство географии: спектр взглядов ученых СССР и США*. — М., 1989. — С. 13.

³ Там же. — С. 16.

полагают, что она должна изучать взаимодействие человека и природы, в той или иной степени отдают должное физической географии.

Таким образом, американские ученые далеки от единства в понимании сущности и задач своей науки. Практически все 13 участников анкетирования считают невозможным дать такое определение географии, которое устраивало бы всех специалистов. Некоторые из них весьма самокритичны в оценке состояния своей науки. Э. де Суза утверждает, что «многие статьи в наших журналах, доклады на профессиональных конференциях — не более чем дилетантское барахтанье в предметах смежных наук»¹.

Не следует, однако, торопиться с выводом, что отсутствие подобных оценок со стороны представителей отечественной географии свидетельствует о ее полном благополучии: у наших ученых было принято говорить больше об успехах, чем о недостатках. В действительности же процитированные слова американского географа можно в полной мере отнести к отечественной географии, особенно к ее состоянию на рубеже нынешнего и прошедшего веков.

Более подробное ознакомление с существующими взглядами географов мира на предмет, содержание и задачи своей науки может создать, на первый взгляд, впечатление хаотичности, подобной броуновскому движению. По этому поводу следует заметить, что такая картина не есть особенность современного этапа. Географы всех эпох пытались найти в сложном лабиринте земных явлений, процессов и взаимосвязей свою дорогу. В ходе этого поиска они заходили в тупики и натыкались на завалы, но сейчас уже есть основание считать, что наметилась магистральная линия.

Проследивая путь, пройденный географией, можно сделать вывод, что на всех этапах ее развития в ней сохранялся устойчивый интерес к пространственному разнообразию земной поверхности, к территориальной дифференциации природы, населения и хозяйства. На ранних этапах развития географии этим и определялась ее сущность, а задачи сводились к простой инвентаризации фактов. Но в дальнейшем на фоне неослабевающего интереса к пространственной дифференциации, составляющего как бы инвариант географии, постепенно усиливалось внимание географов к взаимным связям между телами и явлениями, а кроме того, к зависимости человека от природной среды — также в территориальном аспекте, т. е. в плане выявления локальной и региональной специфики.

По мере углубления в эти предметы и дальнейшего прогресса науки и техники, резкого усиления человеческого вмешательства

¹ *Наука и искусство географии: спектр взглядов ученых СССР и США.* — М., 1989. — С. 56.

в природные процессы география должна была расширить сферу своих интересов за счет вовлечения проблем антропогенного воздействия на природную среду. Вместе с тем локальные и региональные рамки исследований оказывались тесными для географии, и стал неизбежным ее выход на глобальный уровень. Приоритетность антропогенной проблематики, а точнее — проблем взаимоотношения природы и общества и осознание необходимости проведения исследований на глобальном уровне имели революционизирующее значение для географии и определили особенности ее современного этапа.

Заметим, что в ходе эволюции географии первоначальное представление о двумерности географических объектов, запечатленное в плоской картографической модели, постепенно сменилось трехмерной моделью, вершиной которой явилось понятие о географической оболочке.

А теперь мы говорим о географических объектах как четырехмерных, т. е. пространственно-временных, системах. Такое представление нашло свое воплощение в учении о геосистемах, существенно обогатившем понятие об объектах географического исследования.

Последовательно возникавшие научные задачи географии не столько сменялись, сколько накладывались друг на друга. Появление новых интересов, приоритетов и «парадигм» вовсе не означало автоматического отказа от прежних, которые нередко приобретали новое значение и звучание. Современный этап развития географии преемственно связан с идеями и опытом предшествующей истории.

1.4. Объекты географической науки. Природные географические системы

Научный язык географии изобилует специальными терминами, которыми обозначаются понятия, выработанные различными отраслями этой науки. Некоторые из этих терминов имеют общегеографический характер и широко используются во всех географических дисциплинах (например, территория, район). Кроме того, география, как и всякая другая наука, не может обойтись без таких фундаментальных философских и общенаучных категорий, как пространство, время, взаимодействие, развитие, система, структура, процесс и многие другие. Наиболее обширную группу составляют понятия и термины, относящиеся к многочисленным частным, или отраслевым, географическим дисциплинам и нередко имеющие узко профессиональный характер. Их истолкованию посвящены специальные терминологические словари, в том числе геоморфологические, палеогеографические, метеорологи-

ческие, гидрологические, океанографические, геоботанические, почвоведческие.

Изучение теории и методологии в географии предполагает знакомство с фундаментальными научными понятиями, имеющими основополагающие методологическое и теоретическое значения для всей системы географических наук. Они в той или иной мере отражены в опубликованных словарях, среди которых надо назвать «Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины» (М., 1988), «Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии» (1980) и труд Э. Б. Алаева «Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь» (1983). Эти издания могут служить полезными справочными пособиями, но в некоторых отношениях, особенно в части социально-экономической географии, они уже устарели, требуют корректировки и дополнений.

В учебнике вряд ли приемлем подход, основанный на отдельном рассмотрении понятийно-терминологического аппарата в отрыве от основного содержания, т. е. вне контекста. Поэтому для начала ограничимся обзором лишь самых необходимых первичных понятий, другие же будут вводиться последовательно в соответствии с логикой изложения тех или иных методологических и теоретических вопросов. Отбор наиболее важных понятий, имеющих значение для всей системы географических наук, из огромного количества тех, которые находятся в ее обиходе, — задача непростая. Сложность этой задачи в значительной степени объясняется тем, что научное обобщение в географии происходило по двум направлениям; в каждом из двух ее главных блоков — физико-географическом и общественно-географическом — сложилась своя система научных понятий и терминов.

Некоторые теоретики географии считают, что основой общегеографической системы понятий должна служить категория пространства. Отсюда к этой системе относят такие понятия, как пространственная (или территориальная) дифференциация, пространственные отношения, пространственная структура, размещение и т. п.

По этому поводу можно, с одной стороны, заметить, что пространство не есть категория, специфическая для географии: это универсальная форма существования материи. С другой стороны, современный географ не может обойтись без целого набора понятий, связанных с категорией времени, таких, как развитие, динамика, цикличность, эволюция, изменчивость (во времени), состояние и др. Кроме того, к общегеографическим могут быть отнесены некоторые изначально физико-географические понятия, интегративное значение которых выходит за рамки физической географии, такие, как географическая оболочка, геосистема, географическая (ландшафтная) зона, ландшафт.

Очевидно, разработку системы научных понятий в географии следует начинать с определения *объектов географического изучения*. Для этого необходимо четко уяснить смысл, вкладываемый в эпитет «географический». И здесь мы неизбежно столкнемся с двойственностью самого термина «география». Одно из его значений — это несомненно обозначение особой науки. Но тот же термин широко употребляется как синоним слова «распространение». Эта двойственность служит источником многих недоразумений, которым, к сожалению, нередко способствуют сами географы-профессионалы, используя термин «география» в его втором, по существу обывательском значении. Поэтому в таких словосочетаниях, как «география поэзии» или «география наркобизнеса», бывает нелегко угадать, идет ли речь о новой научной дисциплине (по аналогии с географией почв и географией населения) или же о разговорном «распространении» (местонахождений объектов, событий и т. п.).

Смешение научного и обывательского подходов сказывается в определении понятия *географический объект*. Строго научного определения это выражение не имеет. Обычно под ним подразумевается любой визуально распознаваемый объект, который характеризуется определенным положением на земной поверхности (местом) и может быть обозначен на карте. Возникает вопрос: может ли всякий географический объект в таком понимании служить объектом географического изучения, т. е. тождественны ли оба понятия? Лишь с крайне хорологической позиции допустим положительный ответ, поскольку такая позиция не содержит жестких ограничений при отборе объектов для «заполнения земных пространств». Логически из приведенного определения следует, что географическим объектом можно считать не только государство или населенный пункт, но и футбольное поле и даже телеграфный столб. Однако такое понятие, как климат, под это определение, по-видимому, не подходит.

Очевидно, определение объектов географического изучения следует основывать на некоторых более жестких и строго научных критериях. Объекты этого рода должны занимать четко определенное место в системе устройства материального мира. А данному условию, в свою очередь, будет соответствовать положение географии в общей системе научного знания. Решение поставленного вопроса основывается на системно-структурном подходе к окружающему миру. Исходная позиция состоит в представлении о структурно-иерархических уровнях организованности материального мира. Вся Вселенная построена из множества перекрывающихся материальных систем разного качества и разных порядков — физических, химических, биологических и более сложных. В иерархии систем мы переходим от элементарных частиц к простейшим химическим соединениям и сложным биологическим системам,

к системам космических тел. В каждом классе систем имеются свои уровни организованности, например клеточный, организменный и надорганизменный в биологии.

Однако системы различных классов не существуют изолированно друг от друга. Между ними возникают связи и переходы, приводящие к формированию более сложных системных образований — суперсистем, или больших систем. Примером может служить система «организм — среда». Подобные системы невозможно свести к какому-либо одному из классов основных исходных, или первичных, систем — химических, физических или биологических. Здесь имеем дело с новым, более высоким уровнем организованности предметов и явлений материального мира, в котором находят свое место и географические системы (мы пока не затрагиваем общественные, т. е. социально-экономические системы).

Изложенные представления хорошо согласуются с известными мыслями Ф. Энгельса о формах движения материи и классификации наук. По Энгельсу, каждая наука изучает отдельную форму движения материи или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения. Согласно этому критерию, к первой группе следует отнести «классические» фундаментальные науки — механику, физику, химию, биологию и науки об обществе. География же самым естественным образом вписывается во вторую группу наук. Известны, впрочем, попытки найти для географии собственную форму движения, однако, как и следовало ожидать, они оказались бесплодными и ненужными. Своеобразный географический уровень организованности материального мира не сводится ни к физической, ни к химической, ни к биологической формам движения материи, но основывается на их связях и взаимных переходах, объединяет их. Соответственно в природе существует особая категория географических процессов, которые слагаются из «первичных» процессов, изучаемых «классическими» науками, но не являются их простой суммой.

Типичный пример географического процесса — почвообразование. Этот процесс можно разложить на его элементарные составляющие — механическое дробление минерального субстрата и просачивание влаги, химическое формирование почвенных растворов, физическое поднятие последних к земной поверхности по капиллярам, созидание органической массы растениями, животными и ее преобразование микроорганизмами и т. д. Однако подобная редукция не даст нам возможности объяснить сущность почвы как особого, «биокосного» природного тела. Сущность почвообразования состоит во взаимодействии и взаимопереходах многих элементарных по отношению к почвообразованию процессов, относящихся к разным формам движения материи. Таким образом, формирование почвы — истинно географический процесс, а его результат, т. е. почва, — пример географической системы.

Рассмотрим другой пример — влагооборот в природе. Он также складывается из многих элементарных процессов, среди которых механическое (под действием силы тяжести) падение капель воды и снега из атмосферы на земную поверхность и перемещение воды по ней (сток), просачивание влаги в почву, физическое испарение с земной поверхности и конденсация водяного пара в атмосфере, таяние и замерзание, химическое связывание воды (гидратация) и ее высвобождение (дегидратация), биологическое поглощение влаги корнями растений (десукция), ее транспирация листьями. Добавим, что весь этот единый физико-химико-биологический процесс, который нельзя назвать иначе как географическим, осуществляется за счет передачи и превращения энергии и сопровождается активной химической деятельностью воды и изменениями ее химического состава. Кроме того, здесь не затрагиваются трансформации, обусловленные человеческим (антропогенным) воздействием.

Таким образом, сущность географических процессов состоит во взаимодействии между различными формами движения материи, во взаимном обмене веществом и энергией между материальными системами разных классов. При этом формируется новое качество — сложные системы особого класса, которые не могут быть редуцированы к исходным системам без потери этого нового качества.

Отдельные формы движения в составе географических процессов наблюдаются не «в чистом виде», не в лабораторных условиях, изолированных от внешних возмущающих влияний, а в реальной природной обстановке, где проявления «простых» естественных законов существенно усложняются и эффект каждого из них зависит от соотношения с другими в конкретных географических условиях. Так, далеко не всякое скопление воды в географической оболочке начнет замерзать строго при температуре 0°C .

Материальными носителями географических процессов и основными объектами изучения являются целостные территориальные сочетания взаимосвязанных и взаимообусловленных географических компонентов — вещества литосферы, атмосферы и гидросферы, почвы и биоты. Еще в начале прошлого столетия Л. С. Берг назвал такие сочетания *географическими ландшафтами*. Впоследствии географы стали трактовать их как особые системы или комплексы, причем возникла необходимость различать их категории и уровни. Так появились термины *природный территориальный комплекс (ПТК)*, *географический комплекс (геокомплекс)*, *геосистема*. Различия в содержании этих терминов и соотношения соответствующих им понятий будут рассмотрены далее. Пока же будем использовать как синонимы термины «геосистема» и «ПТК». Поскольку речь идет об объектах географического изучения, отметим лишь, что различают три основных иерархических уровня гео-

систем — планетарный (или глобальный), региональный и локальный (или топический).

Геосистемы планетарной размерности представлены в природе единственным экземпляром, а именно *географической оболочкой Земли*, которую часто называют предельным объектом географического исследования. Географическая оболочка — наиболее сложная часть нашей планеты, сфера взаимопроникновения трех абиотических оболочек, населенная организмами и ставшая средой жизни и преобразовательной деятельности человека. В географической литературе высказывалось мнение о тавтологичности термина «географическая оболочка», так как он повторяет название науки и не несет содержательной нагрузки. Известны различные синонимы этого термина. Наиболее краткий и удобный из них — *эпигеосфера*, что в дословном переводе с древнегреческого означает «наружная земная оболочка», т. е. точно соответствует формулировке, предложенной П. И. Броуновым почти сто лет назад.

Эпигеосфере присуща сложная многоступенчатая пространственная дифференциация, подчиненная действию определенных географических закономерностей (в частности, широтной зональности). Эта дифференциация выражается в формировании геосистем разных уровней — регионального (природные зоны, провинции, ландшафты и др.) и локального (местности, урочища, фации), которые изучаются как структурные части эпигеосферы (подробнее об этом говорится в главе 3).

Если считать верхним пределом географического изучения эпигеосферу, стоящую на вершине многоступенчатого иерархического ряда геосистем, то в этом ряду логически должна существовать и нижняя предельная ступень. Такая нижняя предельная геосистема была установлена географами еще в 20-е гг. прошлого столетия, и для ее наименования существует несколько терминов-синонимов, из которых в научном обиходе наиболее закрепился термин *фация*.

Нельзя не упомянуть о *ландшафте* как одном из самых распространенных географических терминов. По традиции, этот термин часто употребляют как синоним природного территориального комплекса, геокомплекса, геосистемы. Многим специалистам такое изобилие синонимов для обозначения одного и того же объекта представляется нецелесообразным, поэтому было предложено термин *ландшафт* закрепить за одной из таксономических категорий геосистем, занимающей узловое положение в их иерархии. В таком значении ландшафт является нижней ступенью геосистем региональной размерности, т. е. низовым физико-географическим регионом и базовой ступенью всей системы физико-географического районирования; в то же время он замыкает сверху ряд геосистем топического порядка, которые рассматриваются как его морфологические части. Ландшафт выполняет организующую роль не

только в геосистемной структуре эпигеосферы, но и по отношению к территориальной дифференциации отдельных географических компонентов. Согласно В. Б. Сочаве, в ландшафте сходятся все виды природного районирования, т. е. он одновременно является районом климатическим, почвенным, геоботаническим и т. д. Добавим, что ландшафт в указанном понимании может рассматриваться как базовый, или первичный, эколого-географический и природно-ресурсный район.

Компоненты геосистем также служат объектами географического изучения. В процессах их формирования и развития участвуют различные формы движения материи; они, как и геосистемы, характеризуются изменчивостью в пространстве географической оболочки и территориальной дифференциацией. Особенно важно подчеркнуть, что ни один природный географический компонент не может возникнуть и существовать вне взаимной связи с другими компонентами геосистемы; все они функционируют как составные части последней и подчинены ей в качестве особых блоков. Однако если для геосистемы все формы движения равнозначны и ни одна из них не может считаться основной или системообразующей, то о географических компонентах этого сказать нельзя. Абиотические компоненты по своему субстрату и системообразующим процессам могут быть отнесены к физическим или физико-химическим системам, биота — к биологическим. Основное исключение в силу своей сложности составляет почва как биокосный компонент.

Таким образом, природные географические компоненты могут рассматриваться как промежуточные звенья между географическими и негеографическими системами и как переходная ступень в процессе географического синтеза. Этим обстоятельством определяется место дисциплин, изучающих отдельные природные компоненты среди наук. Изучение геосистем полностью относится к компетенции географии, которая рассматривает их всесторонне, комплексно, со всех возможных точек зрения. Изучение же отдельных компонентов геосистем находится в ведении соответствующих отраслевых географических наук (геоморфологии, гидрологии и др.), занимающих пограничное положение между географией и смежными естественными науками. Так, растительное сообщество является несомненно биологической системой и в этом качестве служит объектом для биологических наук, но одновременно оно представляет собой один из необходимых элементов географической интеграции как особый блок геосистемы. Все аспекты изучения растительных сообществ охватывает единая наука геоботаника, которая в равной мере принадлежит двум системам наук — географическим и биологическим. Аналогично положение геоморфологии, климатологии и других отраслевых физико-географических наук. Каждая из них представляет собой

целостную систему знаний об изучаемом объекте, и, как правило, не возникает проблем их размежевания между двумя системами наук. Однако в конкретной практике разделения труда между специалистами географы уделяют основное внимание системному характеру изучаемого объекта, его генезису в тесной связи с другими компонентами геосистемы, территориальной дифференциации, тогда как представители других естественных наук — внутренней структуре, физическим, химическим или биологическим механизмам функционирования и развития.

1.5. Человек как объект географического изучения

Геосистемы и их компоненты относятся к природным объектам и изучаются физико-географическими науками. В настоящее время преобладающим остается взгляд на геосистему как на природное образование. Из этого не следует, что в сфере общественных явлений системный подход к определению объектов или предметов географического исследования неприменим. Однако в этом случае географические системы не объединяют различные формы движения материи, а вычлняются в рамках одной, но самой сложной, высшей формы движения — общественной, материальным носителем которой является человек. Общественная форма движения не может быть охвачена какой-либо одной наукой.

Под термином *человек* подразумевается человечество, или народонаселение Земли, как сложное биосоциальное явление, объединяющее биологический вид *Homo sapiens* и человеческое общество. Человечество можно рассматривать как сложнейшую полиструктурную систему, состоящую из множества перекрывающихся структурных частей, или subsystem — различных общностей и социальных групп, объединяемых производственными, этническими, семейными, профессиональными и другими отношениями. Человек в таком контексте изучается многими науками — как биологическими, так и социальными (физиологией, антропологией, психологией, медициной, этнографией, демографией, социологией и др.). Особая группа общественных наук связана с человеком как субъектом производственной и непроизводственной деятельности (экономические науки, история, искусствоведение и др.).

Место географии в этой обширной группе наук трудно обосновать, опираясь на представление о каком-либо собственном объекте исследования. Обычно предмет общественной географии определялся исходя из специфического подхода к изучаемым объектам, а именно — размещенческого, т.е. хронологического. Экономическая география традиционно определялась как наука, «изучающая географическое размещение производства, понимае-

мого как единство производительных сил и производственных отношений»¹. Однако в последнее десятилетие XX в. в определении экономической географии появился новый акцент: ее стали именовать наукой о территориальной организации общественного производства и притом рассматривать как ветвь социально-экономической географии, предмет которой трактуется более широко, а именно как *территориальная организация общества* (ТОО). Понятие ТОО, начавшее входить в научный обиход социально-экономической географии в 70-е гг. XX в., стало для нее одним из фундаментальных. Нельзя сказать, что оно уже достаточно глубоко разработано, но в нем можно усмотреть сдвиг от узко размещения подхода к более перспективному системному.

К фундаментальным категориям социально-экономической географии относится территориальное разделение труда, рассматриваемое как философская и политико-экономическая основа этой науки. С указанной категорией связано понятие *размещение производительных сил*, которое расчленяется на размещение населения и размещение производства. Последнее, в свою очередь, анализируется по отдельным отраслям — промышленности, сельскому хозяйству, транспорту с их отраслями второго порядка, что составляет предмет исследования отраслевых дисциплин экономической географии.

В качестве самостоятельных объектов экономико-географического изучения рассматриваются некоторые типы территориальных структур производства и расселения как элементы ТОО. В экономической географии термин *структура* часто употребляется в значении, близком к понятию *система*, и смысловые оттенки в их дефинициях не всегда легко уловить. Один из характерных примеров систем, изучаемых социально-экономической географией, — территориальные системы расселения, охватывающие населенные пункты, между которыми существуют территориальные связи и распределение функций. Наиболее типичные системы этого рода — городские агломерации.

К территориальным системам относительно высокого уровня организованности следует отнести территориально-производственный комплекс (ТПК) — сочетание взаимосвязанных предприятий, при котором обеспечивается максимальная эффективность производства за счет рационального использования всех видов местных ресурсов, сокращения транспортных затрат, совершенствования инфраструктуры и расселения и т. д. Крупные ТПК и их сочетания могут служить основой формирования экономических районов.

Экономический район — целостная территория, как правило, совпадающая с отдельными политико- и административно-тер-

¹ *Энциклопедический словарь географических терминов.* — М., 1968. — С. 423.

риториальными подразделениями или их группами, — рассматривается как территориальная система наивысшего уровня и основной объект исследования в экономической географии.

Методологические основы социальной географии, очевидно, должны иметь свои истоки в социологии. Однако сама социология еще недостаточно оформилась как целостная система знаний, стоящая на прочной теоретической основе. В сферу интересов социологии входят человек как социальная личность, различные группы и общности людей и общество в целом. Основной объект — человек в ракурсе его принадлежности к определенной группе людей. Объектами социальной географии также могут служить различные общности и социальные группы людей — производственные, этнические, конфессиональные, так называемые статистические группы (например, возрастные) и др., — но рассматриваемые в территориальном аспекте, т.е. как территориальные общности или, по Э.Б.Алаеву, социумы.

Предметом социальной географии является изучение пространственных аспектов поведения людей и в первую очередь процесс расселения. Сфера интересов социальной географии стремительно расширяется, так что трудно перечислить все ее объекты. Среди них — культура в самом широком смысле этого слова и отдельные памятники культурного наследия, электоральные группы социума, туризм и многое другое. Пока еще трудно судить о теоретических основах этой науки и принципах отбора объектов исследования. Ее важнейшей системной категорией следует, по-видимому, считать территориальную систему расселения, традиционно относившуюся к экономической географии.

Сопоставляя подходы физико-географов и социо-экономико-географов к обоснованию своих объектов исследования, мы наблюдаем в них определенную общность. В том и другом случаях это многокомпонентные материальные системы со сложной структурой и ярко выраженной пространственной изменчивостью. Как в физической, так и в социально-экономической географии различаются два основных уровня системной организованности объектов исследования. Первый, или низовой, уровень отраслевых исследований в экономической географии можно сопоставить с покомпонентными (также отраслевыми) исследованиями в физической географии. Верхнему геосистемному уровню синтеза в физической географии отвечают интегральные экономические районы в общественной ветви географии. Экономические районы разных порядков служат аналогами геосистем различных размерностей. Однако в подходах к изучению своих объектов у каждой из двух главных ветвей географии имеются особые оттенки. В определении физико-географических объектов отсутствует хронологический акцент, не подчеркивается их территориальность. В последнее десятилетие сложилась тенденция квалифицировать эти объек-

ты как пространственно-временные системы. Всякая геосистема, так же как и любой из ее компонентов, изучается как целое, предмет исследования охватывает все стороны объекта — его происхождение, структуру, функционирование, развитие, распространение. Таким образом, можно сказать, что физико-географические науки изучают свои объекты «единолично», т. е. не делят их с другими науками.

В общественной же географии делается акцент на территориальный аспект исследования, т. е. на одну, хотя и очень важную сторону изучаемых объектов. Поэтому она вынуждена делить объекты исследования со смежными науками — экономикой, демографией, социологией и др., и для нее актуальна постановка вопроса о различии между объектом и предметом исследования. В понятии *объект* отражается объективная сущность данной системы и ее целостность независимо от того, изучается ли он одной или несколькими науками. В понятии *предмет* выражается отношение той или иной науки к объекту, ее конкретные цели и задачи в его познании.

Из основной установки на территориальность следует и несколько иной подход к таким понятиям, как взаимосвязь, система, структура, процесс. Экономико- и социо-географы обычно подчеркивают, что речь идет о территориальных системах, территориальных отношениях, территориальных структурах и т. д., чего мы, как правило, не встречаем в физико-географических формулировках, хотя изучаемым объектам среди других качеств также присуща территориальность. (Корень «ге» в эпитетах «географический» означает не территорию и не пространство, а Землю, т. е. принадлежность к Земле как планете.)

Нужно, однако, отметить, что специалисту в области социально-экономической географии в его исследовательской практике бывает трудно удержаться в формально-хронологических рамках и ему приходится вникать в вопросы генезиса, истории, эволюции тех или иных территориальных образований. И это несомненно повышает ценность получаемых научных результатов, хотя ведет к размыванию границ между социально-экономической географией и другими общественными науками. В подобных ситуациях исследования могут приобрести междисциплинарный характер. Сложность общественных явлений предопределяет необходимость междисциплинарных исследований. Вся сумма знаний о почве сосредоточена в почвоведении, о ледниках — в гляциологии, но нереально пытаться создать единую науку о человеке.

Э. Б. Алаев предложил считать предельным объектом исследования социально-экономической географии ойкумену, под которой подразумевается заселенная и вовлеченная в орбиту общества часть географической оболочки Земли. Ойкумена объединяет «географическую среду как арену деятельности общества и само об-

щество и общественное производство в его различных территориальных формах»¹. Целесообразность использования термина *ойкумена*, которым древние греки обозначали известную им обитаемую часть суши, представляется мало убедительной. К настоящему времени вся поверхность суши не только известна, но и прямо или косвенно вовлечена в сферу человеческой деятельности, так что понятие *ойкумена* утратило свой смысл. Более принципиальные возражения может вызвать идея Алаева о включении в состав объекта социально-экономической географии не только общества и общественного производства, но и географической среды. Логически никакая среда не может входить в состав своего субъекта, или «хозяина». Это относится и к географической среде, как бы ее ни определять — ойкумена или географическая оболочка. Практически пределы географической среды близки к границам последней, и ее можно определить как эпигеосферу, рассматриваемую с точки зрения условий обитания человечества и его производственной деятельности. Таким образом, географическая среда выступает как внешнее по отношению к обществу и не может служить объектом социально-экономической географии. Практически она никогда не изучалась этой наукой и лишь в той или иной мере учитывалась ею как совокупность необходимых природных условий жизни и производственной деятельности людей, т. е. именно как внешняя среда.

Социально-экономическая география изучает человека в системе общественных отношений и как субъект общественного производства. Однако и человек как биологический вид, и общественное производство существуют исключительно благодаря непрерывному обмену с географической средой. Наличие устойчивых взаимосвязей между людьми, человека с его производственной и непроизводственной деятельностью, с одной стороны, и географической средой, с другой, дает основание говорить о суперсистеме «человек — природная (географическая) среда». Взаимоотношения между человеком и природой составляют один из главных предметов философии и в той или иной степени затрагиваются многими науками, в особенности географией. В эпоху научно-технического прогресса они стали проблемой номер один для всего человечества, и географическая наука не может пройти мимо них. Географические аспекты этой проблемы заслуживают особого внимания, и к ним мы еще обратимся (см. гл. 4). Здесь же кратко коснемся их отношения к предмету географии.

С географической точки зрения в рассматриваемой проблеме можно различать два аспекта. Первый аспект — экологический. Человек, как и всякое живое существо, зависит от качества среды

¹ Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М., 1983. — С. 19.

обитания и испытывает на себе ее мощное воздействие. В данном случае человек выступает в системе природных связей как один из двух блоков экосистемы, второй блок которой составляет географическая среда. География, очевидно, не может принять на себя исследование эффекта воздействия географической среды (в том числе нарушенной самим человеком) на организм человека, на его здоровье и благополучие. Это — предмет ряда дисциплин медико-биологического цикла, в том числе антропологии, физиологии человека, медицины и в особенности экологии человека. Но география «ответственна» за географическую среду, и только она способна дать ее всестороннюю, комплексную оценку с антропоэкологической точки зрения. На этой основе в рамках физической географии формируется новое, эколого-географическое направление исследований. Таким образом, хотя в данном случае человек не является непосредственным объектом изучения, его интересы определяют особый подход к исследованию геосистем, т. е. предмет нового научного направления.

Второй аспект также имеет отношение к экологии человека, но это отношение опосредованное. В процессе биологического и главным образом производственного метаболизма человек неизбежно вносит изменения в географическую среду, нарушая нормальное функционирование геосистем, при том преимущественно в направлении, неблагоприятном для него самого. Отсюда возникает актуальность проблемы антропогенного воздействия на географическую среду, а точнее на геосистемы и их компоненты. По существу эта проблема физико-географическая. Человек здесь также выступает в системе природных связей; все последствия антропогенных воздействий (загрязнение атмосферы, эрозия, опустынивание и др.) подчиняются природным закономерностям и служат предметом изучения для физико-географических наук. Во всех дисциплинах физико-географического цикла сложились разделы или направления, посвященные исследованию воздействия человека на различные природные компоненты и геосистемы. Однако существует взгляд, что этими вопросами должна заниматься особая междисциплинарная наука — геоэкология. В этом взгляде отразилась дискуссионность проблемы взаимоотношений географии и экологии, к чему нам еще предстоит вернуться позднее (см. гл. 4).

1.6. География среди наук и структура географического знания

Как известно, наука едина, ее отдельные ветви не изолированы одна от другой и многократно перекрываются. Поэтому всякая классификация наук условна. Очевидно, можно по-разному стро-

ить системы наук исходя из различных критериев. Общий принцип — естественная связь и определенная соподчиненность, или иерархичность, самих объектов исследования (этот вопрос уже затрагивался выше при обсуждении объектов географического исследования). Место географии в существующих классификациях наук определилось достаточно ясно: практически все специалисты помещают ее на стыке естественных и общественных наук. В этом состоит уникальность географии, но именно отсюда возникают трудности в классификации ее отдельных отраслей.

В процессе исторического развития географии прогрессировала ее дифференциация, которой не смогло противостоять стремление к интеграции. В результате география распалась на множество отраслей, и ее расползание в разные стороны, которое В. В. Докучаев констатировал сто лет назад, не прекращается. Всю совокупность существующих отраслей географии объединяют разными терминами: группа, семья, семейство, комплекс, система наук. В. Б. Сочава удачно называл географию ассоциацией наук, но постепенно стало привычнее определять географию как систему наук.

Вопрос о том, какой из перечисленных терминов больше подходит к географии, может показаться праздным. Однако ответ на него имеет определенное значение — как принципиальное, так и прагматическое. Неконтролируемое дробление науки, нечеткость ее границ с другими науками усиливают узкую специализацию, ведут к потере общего языка между учеными, распылению сил в научном сообществе и, в конечном счете, к утрате авторитета науки в глазах общественности. Сама по себе дифференциация науки — процесс нормальный, но углубление специализации должно сопровождаться процессом интеграции — созданием общих методологических и теоретических основ, объединяющих все частные отрасли и направления. Если таких основ нет, то нет и системы наук.

Для современной науки характерны перекрытия между различными дисциплинами. Самые актуальные научные проблемы нашего времени имеют междисциплинарный характер, для их решения необходимы совместные усилия многих специалистов, а исследования по общей проблематике стирают грани между науками. Но это не должно исключать четкого разделения функций между специалистами и в то же время требует от них глубокого владения теорией и методами своей науки. Эффективность участия географа в решении сложнейших проблем, стоящих перед человечеством, будет зависеть прежде всего от уровня его профессионализма, а следовательно, в большой степени от качества его научной подготовки. А это, в свою очередь, влечет за собой целый комплекс практических задач организации высшего географического образования: структура географических факультетов, набор специальностей и специализаций, соотношения об-

шегеографических и специальных дисциплин в учебных планах и т. д. Решение подобных задач неосуществимо без четкого определения места каждой конкретной географической дисциплины среди других и без выработки некоторых общих принципов и методов для всей ассоциации наук, объединяемых географическим факультетом.

Не случайно в последней четверти XIX в. при организации первых кафедр в российских университетах разгорелась дискуссия между теми, кто считал, что место географии на естественных факультетах, и сторонниками ее объединения с историко-филологическими кафедрами. Тот же вопрос возникает при организации научных географических исследований. В Российской академии наук география входит в секцию наук о Земле и объединена в одно отделение с физикой атмосферы и океанологией (заметим, что последняя дисциплина рассматривается в данном случае не как географическая дисциплина, а как самостоятельная наука). Такая ситуация не удовлетворяет экономико-географов, которые считают, что общественная география должна быть представлена в секции общественных наук вместе с экономикой. Подобная позиция находит косвенную поддержку в представлениях философа Б. М. Кедрова, известного своими исследованиями по классификации наук. Согласно Кедрову, география состоит из двух самостоятельных наук — физической географии, входящей в группу естественных наук, и экономической географии, относящейся к социальным наукам.

От принятой классификации наук зависит организация научной информации и эффективность использования ее различных форм, как традиционных (научных справочников, словарей и т. п.), так и электронных. Вряд ли можно считать полноценными некоторые зарубежные справочные географические издания, в которых отсутствуют разделы по гидрологии, океанологии, почвоведению.

Можно спорить о том, следует ли называть географию группой, системой или как-нибудь иначе и какой должна быть ее классификация, но важнее сначала разобраться в ее фактическом современном состоянии, точнее в ее объективно сложившейся структуре и в реальных взаимосвязях между ее отдельными отраслями, а также между ними и смежными науками. Поставив перед собой такую задачу, мы сразу же столкнемся с различиями между отдельными странами или национальными научными школами. Сопоставление отечественной и американской географии говорит о разительных контрастах в представлениях самих географов о значении тех или иных отраслей географии и их месте в общей структуре географических знаний. В американской географии существует устойчивая тенденция к вытеснению физико-географических дисциплин и усилению однобокой социально- или культурно-гео-

графической ориентации. По свидетельству Р. Дж. Джонстона, в США интерес к физической географии иссяк уже к середине прошлого столетия. В середине 80-х гг. XX в. известные американские географы П. Джеймс и Дж. Мартин констатировали усиливающийся отход географии от природы в сторону «культурных явлений» и с оттенком одобрения цитировали тех авторов, которые призывали отлучить от географии климатологию, геоморфологию, биогеографию.

Отечественной географии в отличие от американской всегда была присуща сильная естественно-научная традиция, и принадлежность физико-географических наук к географии, в которой они занимают прочное положение, до последнего времени никем не оспаривалась. Их развитие не могло происходить в ущерб общественной географии, так что сложилась особая двуединая наука с природным и социально-экономическим блоками. Однако в последние годы появились высказывания о якобы существующем «дисбалансе» между двумя главными ветвями отечественной географии вследствие «гипертрофии» физической географии. Более того, предпринимаются попытки устранить «гипертрофию» путем усекновения по американскому образцу. В одной из работ, посвященных достижениям мировой географии XX в., ставится под сомнение принадлежность гидрологии к географическим наукам на том основании, что ее не включают в некоторые мировые (англоязычные) географические справочники и библиографии и она не представлена в комиссиях Международного географического союза. По-видимому, на основании аналогичных формальных соображений в обзор истории географии XX в. не вошли океанология и почвоведение, а биогеография представлена в сильно редуцированном виде¹.

Рассматривая структуру географической науки, будем исходить из ее исторически сложившегося состояния в нашей стране, где она нашла свое выражение в различных организационных формах — в структуре научных учреждений, географических факультетов университетов, а также Русского географического общества, в содержании географической периодики.

Как уже отмечалось, география состоит из двух больших блоков. Каждый из этих блоков отвечает понятию системы наук в силу тесной взаимосвязанности изучаемых объектов, наличия общих теоретических основ и непосредственных рабочих контактов между специалистами. Что касается взаимных связей между естественно-географическим и общественно-географическим блоками, то в теории в различных определениях географии такие связи декларируются. Однако на практике оказывается, что физико-гео-

¹ Преображенский В. С., Александрова Т. Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. — М., 1997.

графы часто легче находят общий язык и вступают в контакты с представителями смежных естественных наук (геологами, геохимиками, биологами и др.), чем со своими коллегами по социально-экономической географии. У последних же, как правило, оказывается больше общего с другими специалистами в области общественных наук, чем с физико-географами. Поэтому, называя географию системой наук, мы допускаем определенную натяжку и в какой-то мере выдаем желаемое за действительное. Но определение географии как системы наук уже вошло в традицию и вряд ли есть смысл его оспаривать. Вопрос о системе географических наук — лишь один из аспектов проблемы единства или целостности географии. Эта проблема не имеет простого решения. И к ней мы вернемся в следующей главе.

Термин *система наук* применительно к географии впервые употребил С. В. Калесник в 1959 г. и тогда же предложил классификацию географических наук, которая была им уточнена в 1972 г. В этой классификации выделены четыре группы наук: 1) естественно-географические, 2) общественно-географические, 3) картография, 4) объединенные дисциплины. Каждая группа (кроме картографии) охватывает ряд отраслевых дисциплин (всего их оказалось 18). К последней группе отнесены страноведение, краеведение, военная география, медицинская география. В настоящее время перечень отраслевых дисциплин должен быть существенно расширен, некоторых уточнений требует группа объединенных дисциплин. Однако классификация С. В. Калесника в основе не потеряла своего значения. Известны некоторые более поздние варианты классификации географических наук, но они не содержат каких-либо новых подходов.

Э. Б. Алаев в 1983 г. попытался ввести более строгую субординацию в классификацию путем разбивки всех частных, или отраслевых, подразделений географии на пять иерархичных ступеней:

- а) *система наук* — география в целом;
- б) *семейство наук* — природоведческая и обществоведческая география;
- в) *комплекс наук* (дисциплин) — физическая география, биогеография, социально-экономическая география;
- г) *отрасль* — отдельные крупные элементы комплекса наук (зоогеография, география населения);
- д) *раздел* — для наук, изучающих часть общего онтологического объекта (география сельского населения — раздел географии населения, океанология — раздел гидрологии), или *направление* — объект не меняется, меняется метод, подход (агроклиматология — направление в климатологии).

Идея Алаева несомненно интересна, однако ее реализация применительно к разработке полной (т.е. охватывающей все существующие подразделения) классификации географических наук

сталкивается с затруднениями. Критерии различных иерархических категорий не отличаются четкостью. Например, трудно согласиться с тем, что океанология — не самостоятельная отрасль природоведческой географии, а всего лишь раздел другой отрасли (гидрологии). Неправомерно рассматривать физическую географию и биогеографию как две самостоятельные группы («комплексы») наук: в таком делении отражается давно уже устаревшее представление. Агроклиматологию, как и ряд других аналогичных дисциплин, правильнее рассматривать не как особое научное направление, а как прикладной раздел «материнской» науки — в данном случае климатологии.

Определенные трудности в разработке единой таксономии для всех подразделений системы географических наук связаны со спецификой структуры ее двух главных подсистем (этот термин более предпочтителен, чем термин «семейство»). Структура природоведческой (физико-географической) подсистемы в целом сложилась. В ее составе определился набор четко очерченных и взаимосвязанных дисциплин. Можно считать, что развитие этой подсистемы вширь, т.е. за счет дальнейшего дробления отраслевых дисциплин, в основном завершилось и дальнейшее развитие должно идти вглубь — в направлении более глубокого познания геосистем и слагающих их компонентов. Внутренняя структура общественной географии и ее внешние рубежи, т.е. границы со смежными общественными науками, пока еще окончательно не определились. В настоящее время эта наука находится в стадии своеобразной экспансии, вовлекая в орбиту своих интересов все новые и новые объекты, и, таким образом, развивается более вширь, нежели вглубь. Наряду с вполне сложившимися отраслями, такими, как география промышленности или география населения, в ней намечаются новые направления исследований, будущий «статус» которых и место в подсистеме общественно-географических наук еще трудно предугадать.

1.7. Современная система географических наук

Подсистема физико-географических наук, или физическая география в широком смысле слова, объединяет собственно физическую географию, или физическую географию в узком смысле слова, именуемую также комплексной физической географией, и группу отраслевых физико-географических дисциплин. Каждая из последних всесторонне изучает один из географических компонентов в тесной связи с другими компонентами и исследует его происхождение, закономерности строения, функционирования, динамики, эволюции, пространственной дифференциации. Физико-географическим дисциплинам присуща сходная внутренняя

структура: различаются общая (теоретическая) и региональная части, а также прикладные разделы. В структуре общей части в зависимости от специфики науки могут быть свои особенности, например отрасли второго порядка, посвященные специфическим категориям изучаемых объектов (рекам и озерам в гидрологии и т.п.), как правило, особо выделяется палеогеографический раздел, раздел, посвященный антропогенным воздействиям.

Наряду с внутренними, межотраслевыми взаимосвязями у физико-географических наук существуют многосторонние отношения со смежными естественными науками — геологией, геофизикой, геохимией, биологией, экологией. На стыках с ними формируются междисциплинарные научные направления и целые отрасли, которые невозможно безоговорочно отнести к какой-либо одной системе наук. По существу все физико-географические науки, кроме комплексной физической географии, являются пограничными. Это отметил еще С. В. Калесник, он подчеркивал, что резких границ между науками не существует и пограничные дисциплины следует относить одновременно к двум системам наук.

В составе комплексной физической географии сложились две основные теоретические дисциплины — *общее землеведение* и *ландшафтоведение*. Общее землеведение изучает общие физико-географические закономерности Земли. Объектом этой дисциплины является эпигеосфера (географическая оболочка) как целое. Традиционный термин *общее землеведение* неточно отражает сущность этой дисциплины, ибо может создать впечатление, что речь идет об общей теории Земли как планеты, поэтому правильнее было бы употреблять термин *общая физическая география*. Объектом ландшафтоведения служат геосистемы региональной и локальной размерности как структурные части эпигеосферы. Если принять во внимание, что все геосистемы образуют единый иерархический ряд и подчинены общим закономерностям и что эпигеосфера составляет высшую ступень в этом ряду, то в сущности комплексную физическую географию можно рассматривать как единую науку о геосистемах, а общее землеведение и ландшафтоведение — лишь как ее два логически взаимосвязанных и соподчиненных раздела.

Однако объем ландшафтоведения к настоящему времени настолько расширился, что оно разрослось в разветвленную систему знаний со своими «дочерними» ветвями, в том числе междисциплинарными и прикладными. Так, в его недрах возникла *геохимия ландшафта* — учение о миграции химических элементов в ландшафте и химических механизмах функционирования геосистем, одновременно ставшее новым разделом геохимии. Аналогичный характер имеет *геофизика ландшафта*, хотя она еще не получила широкого резонанса в науках о Земле. В. Б. Сочава предложил вы-

делить изучение геосистем низшей топологической, или локальной, размерности в особый раздел — геотопологию. Здесь мы наблюдаем определенное перекрытие с учением о *морфологии ландшафта*, которое Н. А. Солнцев включил в общую теорию ландшафта, и *биогеоценологией*. Последнюю ее основатель В. Н. Сукачев первоначально относил к ландшафтоведению, но затем предпочел счесть за самостоятельную науку, не принадлежащую ни географии, ни биологии. Вопрос о соотношении биогеоценологии и ландшафтоведения был предметом затяжных дискуссий в 50-х гг. прошлого века, но сейчас практически общепризнано тождество объекта биогеоценологии, т. е. биогеоценоза и элементарной геосистемы — фации, что не исключает перекрытия интересов географических и биологических наук в их изучении. В ландшафтоведении существуют прикладные направления (агроландшафтное, лесоводственное, медико-ландшафтное и др.), и оно послужило теоретической основой для формирования новых прикладных наук, таких, как мелиоративная география и рекреационная география.

С комплексной физической географией тесно связана *палеогеография*, предметом которой является изучение закономерностей развития эпигеосферы и ее отдельных частей в геологическом прошлом. Эта дисциплина синтезирует данные палеогеографических разделов, геоморфологии, климатологии и других отраслевых дисциплин, а также исторической геологии, с которой она частично перекрывается.

Историческая физическая география определялась С. В. Калесником как палеогеография исторического периода. Данная отрасль пока еще находится в начальной стадии формирования, но ее развитие имеет широкие перспективы и большое интеграционное значение для системы географических наук. Основным предметом этой отрасли можно считать исследование изменения геосистем за историческое время в процессе взаимодействия человека с географической средой.

Наконец, в составе комплексной физической географии особо выделяется *региональная физическая география*. В традиционном представлении, это описательная или учебная дисциплина, обобщающая данные отраслевых физико-географических наук об отдельных природных компонентах по тем или иным территориальным подразделениям (странам, природным или экономическим районам и т. д.). Но в строго научном значении, региональная физическая география дает комплексную характеристику геосистем и различных территорий, независимо от их размеров и границ, опираясь на принципы физико-географического (ландшафтного) районирования.

Перейдем к краткому обзору отраслевых физико-географических дисциплин.

Геоморфология — наука о рельефе, т.е. формах поверхности, суши и морского дна. Рассматривая рельеф как результат взаимодействия эндогенных и экзогенных природных процессов, она тесно связана не только со всеми другими физико-географическими науками, но и с геологией, в рамках которой широко ведутся геоморфологические исследования. Современная геоморфология — достаточно разветвленная система знаний со своей внутренней специализацией по тематическим разделам и направлениям (геоморфология суши, дна океанов, морских берегов, структурная геоморфология и др.). Практическое значение геоморфологии выразилось в формировании ее прикладных ветвей, главные из которых — инженерная и поисковая геоморфология.

Климатология — наука о климате. Основные ее разделы — общая климатология, изучающая закономерности климатообразования, и климатография (региональная климатология). Кроме того, выделяют аэроклиматологию, предметом которой служит климат свободной атмосферы, и микроклиматологию, имеющую дело с климатом приземного слоя атмосферы, а также палеоклиматологию. Прикладные разделы — агроклиматология, биоклиматология, медицинская, курортная, инженерная климатология. Климатология тесно связана с геофизической наукой метеорологией.

Гидрология — в широком смысле наука о гидросфере, изучающая все виды природных вод географической оболочки. В узком смысле *гидрология суши* — наука о водных объектах поверхности суши (реках, озерах, водохранилищах, водах болот). По основным объектам выделяются разделы: гидрология рек (потамология), озер (озероведение, или лимнология) и болот. Данные гидрологии находят широкое применение в гидротехнике и различных отраслях хозяйства. Что касается изучения озер, то оно уже на рубеже XIX и XX вв. стало приобретать комплексный характер, выходя за рамки исследования чисто гидрологических процессов, и охватило рельеф дна, донные отложения, химизм вод, биоту. Таким образом, лимнология подошла к познанию озер как особого класса геосистем (водных) и к сближению с ландшафтоведением. То же можно сказать о *болотоведении*, которое нельзя считать только разделом гидрологии, поскольку болота представляют интерес для геоботаника, почвоведов, геоморфологов и в конечном счете служат объектом ландшафтоведческого (геосистемного) исследования.

Океанология — наука о Мировом океане. В широком смысле, это комплексная дисциплина, изучающая различные природные процессы в океанах и морях с разделами, посвященными физике, химии, геологии и биологии Океана. В узком смысле, океанология может быть определена как гидрология Мирового океана. Термин *океанография* употребляется в двух значениях: как синоним океанологии (главным образом за рубежом) и как наименование

раздела океанологии, относящегося к комплексному изучению морей и океанов (региональная океанология). На стыке океанологии и ландшафтоведения формируется направление, предметом которого является изучение морских геосистем. Океанология широко использует выводы геофизики и геохимии, гидробиологии, в исследованиях строения морского дна перекрывается с геологией. Прикладные направления океанологии связаны с обеспечением безопасности судоходства, использованием минеральных, биологических, энергетических ресурсов Мирового океана.

Гидрогеология, изучающая подземные воды, тесно связана с геологией, а также с гидрологией, климатологией и другими географическими науками, но исследование подземных вод осуществляется главным образом в рамках геологических наук.

Гляциология — наука о ледниках, в более широком понимании — о всех формах природного льда на земной поверхности, включая также ледяной покров на поверхности Мирового океана и водоемов суши. Первоначально рассматривалась как часть гидрологии.

Геокриология (мерзловедение) — наука о мерзлых почвах и горных породах, иначе об оледенении земной коры. Это дисциплина, пограничная между геологией, географией и инженерными науками; она близко соприкасается с геоморфологией, гидрологией, климатологией, почвоведением.

Почвоведение — наука о почве как самостоятельном природном теле. В задачи почвоведения входит всестороннее изучение почв — их свойств, формирования, развития, распространения. Однако к географии обычно относят только один раздел этой науки, а именно *географию почв*, что вряд ли можно признать логичным. Исследование распространения почв вне связи с их генезисом, с процессом почвообразования имеет мало смысла. Напомним, что почвоведение с самого начала формировалось как географическая наука. По словам Г. Ф. Морозова, В. В. Докучаев научил нас смотреть на почву глазами географа. Согласно Докучаеву и его последователям, почва есть продукт ландшафта и в то же время его зеркало. Говоря современным языком, именно в почвообразовании наиболее ярко проявляются эмерджентные качества ландшафта. Почва — один из компонентов ландшафта, причем такой компонент, в котором, как в фокусе, сошлись межкомпонентные связи и вещественно-энергетические потоки. Но если все другие компоненты ландшафта являются объектами исследования географических наук, то почва не должна быть исключением, тем более что ее изучение невозможно отнести ни к геологии, ни к биологии или какой-либо иной системе наук. Добавим, что учение о почве явилось одной из основ ландшафтоведения, а сам Докучаев считал именно русское почвоведение началом той новой науки, которая практически стала современной географией.

Почвоведение тесно связано с биогеографией, климатологией, гидрологией, геоморфологией. Исследование почв требует познания первичных, или элементарных по отношению к почвообразованию, процессов, происходящих в почве — физических, химических, биологических. Это дало толчок формированию соответствующих специализированных направлений — физики, химии и биологии почв. Важнейшие прикладные разделы этой науки — агрономическое (сельскохозяйственное), лесное и мелиоративное почвоведение.

Биогеография обычно определяется как наука о закономерностях распространения организмов и их сообществ на Земле. В ее составе выделяется ряд отраслей. Среди них следует различать те, которые посвящены распространению отдельных видов флоры и фауны и их высших таксономических групп (родов, семейств и т.д.), и дисциплины, изучающие сообщества растений и животных. К первым относятся *география растений (фитогеография)* и *география животных (зоогеография)*, являющиеся разделами соответственно ботаники и зоологии. Во второй группе наиболее четко выделилась *геоботаника* — наука о растительных сообществах, образующих растительный покров Земли (фитогеосферу, по Е. М. Лавренко) и составляющих один из компонентов геосистемы. Геоботаника в равной степени принадлежит биологическим и географическим наукам. Понятие *ботаническая география* трактуется по-разному: как синоним геоботаники и как объединение географии растений и геоботаники. Что касается зооценозов, то их изучение не оформилось в самостоятельную дисциплину, аналогичную геоботанике, а их распространение, как и фауны, служит предметом зоогеографии. Синтетическое исследование биоты как компонента геосистемы на локальном (топологическом) уровне отчасти входит в сферу биогеоценологии.

Фенология, изучающая сезонные явления природы, была отнесена С. В. Калесником к географии как наука о сезонной ритмике ландшафта. Однако исследование сезонной ритмики ландшафта является предметом одного из разделов ландшафтоведения, и хотя этот раздел тесно соприкасается с фенологией, последняя занимается в основном биологическими явлениями и ее правильнее относить к биологическим наукам.

Подсистема общественно-географических наук охватывает всю совокупность географических дисциплин, изучающих территориальную организацию общества в целом и по отдельным составляющим. В СССР до 60—70-х гг. XX в. она отождествлялась с экономической географией, впоследствии ее ядром стала *социально-экономическая география*, изучающая территориальную организацию общественного производства и различных форм жизни общества. Социально-экономическая география входит как в систему географических наук, так и в систему социально-экономических. В ней

различаются две главные ветви, соответствующие двойному наименованию этой науки. Основные объекты исследования экономической географии — территориальные структуры народного хозяйства разных уровней — глобального, национального (в границах государств), регионального, локального. Различные формы проявления процессов международного разделения труда и международные хозяйственные связи служат предметами исследования отраслей экономической географии — *географии мирового хозяйства, географии внешнеэкономических связей, географии внешней торговли*. За последнее десятилетие в особое направление оформилась *экономическая география океанов*.

Изучением размещения и территориальной организации отдельных отраслей хозяйства занимаются отраслевые экономико-географические дисциплины. Основные из них — *география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта, география сферы обслуживания*. Этим дисциплинам присуща своя внутренняя структура, аналогичная таковой в физико-географических науках: в общих разделах характеризуются закономерности размещения и территориальной организации изучаемых объектов, в региональных — их пространственная дифференциация и специфика в отдельных странах и районах. Кроме того, перечисленные дисциплины подразделяются на отрасли второго порядка или подотрасли в соответствии со специализацией основной отрасли (например, черная и цветная металлургия, промышленность строительных материалов, пищевая и т.д.; растениеводство и животноводство; транспорт автомобильный, железнодорожный и т.д.).

Узловым направлением экономической географии следует считать, согласно Н. Н. Баранскому, районное. В современных классификациях географических наук отдельно не выделяется *региональная экономическая география*, хотя комплексные экономико-географические исследования стран и районов, в которых основными объектами выступают экономические районы и территориальные производственные комплексы, занимают важное место в этой науке. В региональных исследованиях экономическая география смыкается с региональной экономикой — отраслью экономической науки, ставящей перед собой практически те же задачи, что и экономическая география. По признанию Э. Б. Алаева, «все попытки найти принципиальные различия между социально-экономической (точнее, экономической) географией и региональной экономикой не увенчались успехом»¹. Этот автор считал, что *региональная экономика* — прикладной раздел экономической географии как науки фундаментальной. Однако подобная точка зрения не бесспорна.

¹ Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М., 1983. — С. 44.

К географии мирового хозяйства близкое отношение имеет *геоэкономика* — новейшее междисциплинарное направление, возникновение которого связано с глобализацией хозяйственных связей. Предметом геоэкономики можно считать формирующуюся систему мирового хозяйства или экономическую структуру мира с ее сложными и противоречивыми отношениями между высокоразвитыми странами, вступившими на путь постиндустриального развития, и странами, находящимися на периферии и полупериферии процесса глобальной перестройки международного разделения труда и территориальной структуры мирового хозяйства.

География населения служит важнейшим связующим звеном между экономической географией и социальной географией. В СССР в течение длительного времени она рассматривалась как часть экономической географии, поскольку была ориентирована в основном на изучение трудовых ресурсов. В настоящее время содержание географии населения трактуется значительно шире. В ее предмет входит изучение населения отдельных стран и районов, закономерностей территориальной дифференциации его состава и образа жизни, типов и форм расселения. В этой дисциплине сложились специализированные разделы, в том числе география поселений, включая географию городов (геоурбанистику) и сельских поселений (геоурналистику), географию миграций. У географии населения множество точек соприкосновения с другими ветвями социальной географии и со смежными общественными науками — демографией, экономикой, социологией, этнографией.

Социальная география определяется как наука о пространственных процессах и факторах организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, быта, отдыха, развития личности и воспроизводства жизни человека. Объектами исследования являются различные общности людей, их внутренняя структура и пространственное поведение. Изучаются также региональные различия в образе жизни людей¹. В некоторых определениях акцент делается на изучение территориальной организации социальной структуры общества разных таксономических уровней. Социальная география непосредственно смыкается с географией населения. Иногда ее рассматривают как совокупность географии населения, географии сферы обслуживания, географии потребления, рекреационной географии и др. Предметное поле этой науки расширяется и ее внутренняя структура еще не определилась. В ее рамках намечаются разнообразные направления исследований, в том числе поведенческая (бихевиористская) география, география преступлений, география безработицы, география спорта, туризма и т. п.

¹ *Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины.* — М., 1988. — С. 286.

География сферы обслуживания изучает территориальные различия потребностей населения в услугах и уровень их удовлетворения, а также территориальную организацию индустрии услуг (последнее обстоятельство позволяет относить это направление к экономической географии).

География потребления изучает территориальные различия в объеме и структуре потребляемых населением материальных благ (продуктов питания, одежды, предметов долговременного пользования). Согласно некоторым определениям, сюда относятся и потребление духовных благ (печатать, телевидение, радио, посещение театров, музеев и т. п.).

География культуры (культурная география) — относительно новое для отечественной науки направление, предмет которого определяется как изучение территориальной дифференциации культуры и ее отдельных компонентов — образа жизни и традиций населения, элементов материальной и духовной культуры. Иногда к элементам культуры относят также политическую культуру, экологическую культуру и др. Тематика культурно-географических исследований развивается в самых разнообразных и не всегда связанных между собой направлениях. В частности к сфере культурной географии относится изучение распространения религий (конфессиональная география), памятников культурного наследия, святых мест и т. п. В этих исследованиях культурная география переплетается с этнической географией (которая одновременно рассматривается как часть географии населения и этнографии), социальной географией, исторической географией, а также с культурологией, искусствоведением и др.

Политическая география — общественно-географическая дисциплина, тесно связанная и частично перекрывающаяся с социально-экономической географией, военной географией, историей, политической экономией, социологией, государственным правом. Предмет изучения — формирование политической карты мира, размещение и территориальные сочетания политических сил и их взаимосвязи с пространственной организацией политической жизни общества. В качестве одного из направлений этой дисциплины можно рассматривать электоральную географию, или географию выборов в органы власти.

Геополитика до недавнего времени рассматривалась как лженаука и идеологическое оружие империализма, оправдывающее его агрессивную политику. Однако резкое ухудшение геополитического положения России после распада СССР вызвало взрыв интереса к геополитическим проблемам и стремление к изучению территориального фактора (взаимного пространственного положения государств и их групп) как одной из причин политической нестабильности и конфронтации в мире. Геополитика — междисциплинарное направление, тесно связана с экономикой.